

А. А. Хисамутдинов

**ЯПОНЕЦ РУССКОГО
ПРОИСХОЖДЕНИЯ:
НИКОЛАЙ МАТВЕЕВ**

А. А. Хисамутдинов

**ЯПОНЕЦ РУССКОГО
ПРОИСХОЖДЕНИЯ:
НИКОЛАЙ МАТВЕЕВ**

A. A. Khisamutdinov

**JAPANESE OF RUSSIAN ORIGIN:
NIKOLAI MATVEYEV**

Издательство Дальневосточного
федерального университета
ВЛАДИВОСТОК
2017

УДК 908
ББК 63.3(2)6
Х51

Хисамутдинов, Амир Алексеевич.

Японец русского происхождения: Николай Матвеев = Japanese of Russian origin: Nikolai Matveyev / Амир Хисамутдинов ; [пер. на англ. А. Хисамутдинова]. – Владивосток: Дальневосточный университет, 2017. – 70с.: ил. Режим доступа: <https://evols.library.manoa.hawaii.edu/>

ISBN 978-5-906739-32-2

Издание посвящено русскому журналисту и литератору Николаю Петровичу Матвееву (1865 – 1941), уроженцу г. Хакодате и скончавшемуся в Кобе, который оставил большой след в японоведении и краеведении Владивостока. На основании зарубежных источников предлагается анализ его публикаций о Японии и деятельности российской эмиграции в этой стране. В приложении дано генеалогическое древо семьи Матвеевых. Книга проиллюстрирована редкими фотографиями из зарубежных и российских собраний, в том числе из коллекции автора.

Ключевые слова: Н.П. Матвеев, русские в Японии, российское японоведение, российская эмиграция, краеведение Владивостока.

This publication is dedicated to the Russian journalist and writer Nikolai Petrovich Matveev (1865 - 1941), who was born in Hakodate and died in Kobe. He is the author of a large number of publications in Japanese studies and the local history of Vladivostok. On the basis of foreign sources an analysis is provided of his publications about Japan and the activities of the Russian emigration in that country. The appendix provides a genealogical tree of the Matveev family. There are illustrations of rare photographs from foreign and Russian collections, including those in the author's collection.

Keywords: N. P. Matveev, Russians in Japan, Russian Japanese studies, The Russian emigration, Local history of Vladivostok.

На обложке использована фотография Николая Петровича Матвеева в Японии в г. Кобе 1928г.

УДК 908
ББК 63.3(2)6

© А. А. Хисамутдинов, 2017.
©Р. В. Мостовой , редактирование ,
обложка и художественное
оформление, 2017.
©Издательство Дальневосточного
Университета, 2017.

Содержание

Предисловие.....	7
Николай Матвеев в Хакодате.....	11
Николай Матвеев в Кобе.....	25
Последний годы жизни Николая Матвеева.....	44
Статьи Николая Матвеева в «Рубеже».....	47
Матвеевы: наброски родословной.....	59
Списки источников и литературы.....	66

ПРЕДИСЛОВИЕ

В истории российского Дальнего Востока имя Николая Петровича Матвеева занимает особое место. Судьбе было угодно, чтобы он стал первым русским ребенком, родившимся в Японии, и там же закончил свою жизнь. Как журналист, литератор и издатель Матвеев многое сделал для культурного развития далекой окраины России. По названию великой дальневосточной реки он взял псевдоним Амурский, под которым опубликовал большое количество статей и стихов. Сегодня ни одна работа по истории Владивостока не выходит без ссылок на «Краткий исторический очерк», написанный Матвеевым. Внес он большой вклад и в российское японоведение, содействуя добрососедским отношениям между нашими странами.

Еще в 60-е годы XX века поднимался вопрос об увековечивании памяти этого замечательного человека. Хотели даже открыть музей в его доме, но советская власть хорошо помнила, где закончил свою жизнь Николай Петрович. Его дом снесли, построив на этом месте ресторан «Горизонт». Никак не были отмечены и члены матвеевской династии. Безвременно погиб старший сын Матвеева Зотик, известный библиограф. Был расстрелян другой его сын, поэт Венедикт Март. В Америке скончался его внук Иван Елагин,

а в Москве живет поэтесса новелла Матвеева. Время от времени проходят мероприятия, связанные с матвеевской семьей, но до сих пор она не увековечена в городе, откуда они зашагали по свету. Хорошо бы назвать улицу имени семьи Матвеевых...

К сожалению, до сего времени не составлена библиография работ Матвеева, а некоторые его произведения в России исчезли навсегда.

В настоящей книге описывается не только жизнь Николая Петровича, но и представлены его последние работы о жизни русских в Китае и Японии. Проведя некоторое время в Кобе, где жил в последние годы Матвеев, автор смог найти интересные факты о нем. Генеалогическое древо семьи Матвеевых подготовил приморский генеалог Владимир Павлович Хохлов (Кавалерово) на основании воспоминаний внуки Н.П. Матвеева Татьяны Зотиковны Матвеевой.

Автор приносит благодарность

русскому библиографу библиотеки Гавайского университета в США Патриции Полански (Гонолулу) и сотруднику Музея русской культуры в Сан-Франциско Иву Франклену за возможность использовать в настоящей статье материалы, хранящиеся в зарубежных коллекциях. Также приношу искреннюю признательность Даниилу Гладких за подготовку к изданию этой книги.

Хисамутдинов Амир Александрович, доктор исторических наук, профессор Дальневосточного федерального университета (Владивосток).

Современный вид г. Кобе

НИКОЛАЙ МАТВЕЕВ В ХАКОДАТЕ

В Хакодате.

10 ноября 1865 г. он родился в семье консульского лекаря П.М. Матвеева. С ним, едва ли не первым европейцем, появившемся на свет на Хоккайдо, произошел трагический случай: кормилица-японка украла маленького Колю и ходила с ним по деревням, показывая всем русского мальчика. Тот же с молоком кормилицы воспринял любовь к Стране восходящего солнца и сохранил ее на всю жизнь. Про обстоятельства своего рождения Николай Петрович Матвеев узнал уже 37-летним от владыки Николая, крестившего его в Хакодате, во время встречи с ним 29 ноября (12 декабря) 1902 г. «Рассказал ему, — писал священник, — как мать мучилась родами и чуть не умерла (она была в беспамятстве, и сама не знает, а отец его умер, когда он был маленьким, так что мой рассказ был для него новостью»¹. На следующий день Матвеев вновь навестил владыку Николая, который «подарил фотографические карточки его отца с ним, младенцем, на коленях и матери, снятые в Хакодате тридцать семь лет тому назад; показал ему после завтрака библиотеку и училище»².

Литературная деятельность.

В 1868 г. трехлетний Николай Матвеев переехал с родителями во Владивосток. Он получил

Николай Матвеев

образование во Владивостокской портовой школе, затем работал мастеровым в портовых мастерских.

Своим жизненным принципом он всегда считал упорный труд и постоянное самообразование. В молодости Н. Матвеев сотрудничал в газете «Восточный вестник», а затем и в ремезовском «Владивостоке». Вскоре его заметки и обширные статьи стали появляться в различных дальневосточных и сибирских изданиях. Матвеев подписывал их разными псевдонимами: Николай Амурский, Н.А., Краб, Н. Э-ский, Странник, Гейне из Глуховки и т.д.³

Наступление нового века совпало со знаменательным событием в жизни Н.П. Матвеева — вышел в свет первый сборник его стихов. По современным меркам, его вряд

ли можно считать удачным, но, тем не менее, книга нашла своего читателя и разошлась очень быстро. Николай Петрович подготовил и путеводитель, который напечатали в 1902 г.⁴

По туристической поездке по Японии.

В 1902 г. Н.П. Матвеев проехал через всю Японию от Хакодате до Нагасаки. Побывал он и в Кобе. Полученными впечатлениями он поделился с читателями «Владивостока», отдавая должное вежливости и предупредительности японцев. «Ни на людных городских улицах, — писал Н.П. Матвеев, — где я нередко бродил один и днем и ночью, ни в театре, ни при осмотре разнообразных достопримечательностей, иногда находящихся в очень темных местах, ни на пароходах, ни на железных дорогах, нигде и ни разу не слышал какой-либо грубости, хотя везде и всегда говорил, что я русский. Наоборот, везде и всегда японцы старались превзойти себя в вежливости. Вздумалось ли мне пойти посмотреть их храмы, больницы, заводы, типографии и т.д., они меня всюду и всегда водили и все показывали.

Случалось, что сразу, только что познакомившись, они настойчиво приглашали остановиться у них, а не в гостинице. Нередко, когда на многолюдных станциях я невольно терялся, не обладая японским языком, сами служащие, видя, что

иностранец смущается, приходили мне на помощь».⁵ Совсем иное отношение наблюдалось к японцам в России. Профессор истории Кер Ямоока, знавший русский, французский, немецкий и китайский языки, немало натерпелся во время поездки в Харбин. Не редкостью было, когда русские городовые сгоняли японцев во Владивостоке на какие-то мероприятия нагайкой или подгоняли, хлестая по голым пяткам.

Новые книги.

В 1904 г. известный российский издатель И.Д. Сытин выпустил в свет новый сборник Матвеева, но уже прозу — книгу «Уссурийские рассказы». Широкий круг русских читателей познакомился с бытом и обычаями жителей далекого Приморья. Названия рассказов — «Бродяжка. Из жизни бедных детей», «Уличные сцены», «Рассыльный. Из Сибирской жизни», «Под звуки дубинушки», «Странички из матросской жизни» — говорят о большой наблюдательности автора и его стремлении не выдумывать персонажей своих рассказов, а брать их прямо из жизни. Как только окончилась Русско-японская война, Николай Петрович вновь решил отправиться в Японию для лечения 11-летней дочери Зои.

В ноябре 1905 г. он с ней и Б.О. Пилсудским уехал в Японию⁶, где девочке сделали операцию в медицинском институте Фукуока. Эта была

Японцы во Владивостоке. Почтовая открытка (до 1917)

Японское генеральное консульство. Почтовая открытка (до 1917).

длительная поездка. Он побывал в Нагасаки, встретился с Русселем, подбирал материалы по Японии. 15 декабря 1905 г. посетил издательство газеты «Фукуока нити-нити». Вероятно, во время это поездки у Н.П. Матвеева возникла идея опубликовать сборник своих стихов на японском языке, который увидел свет через три года.⁷

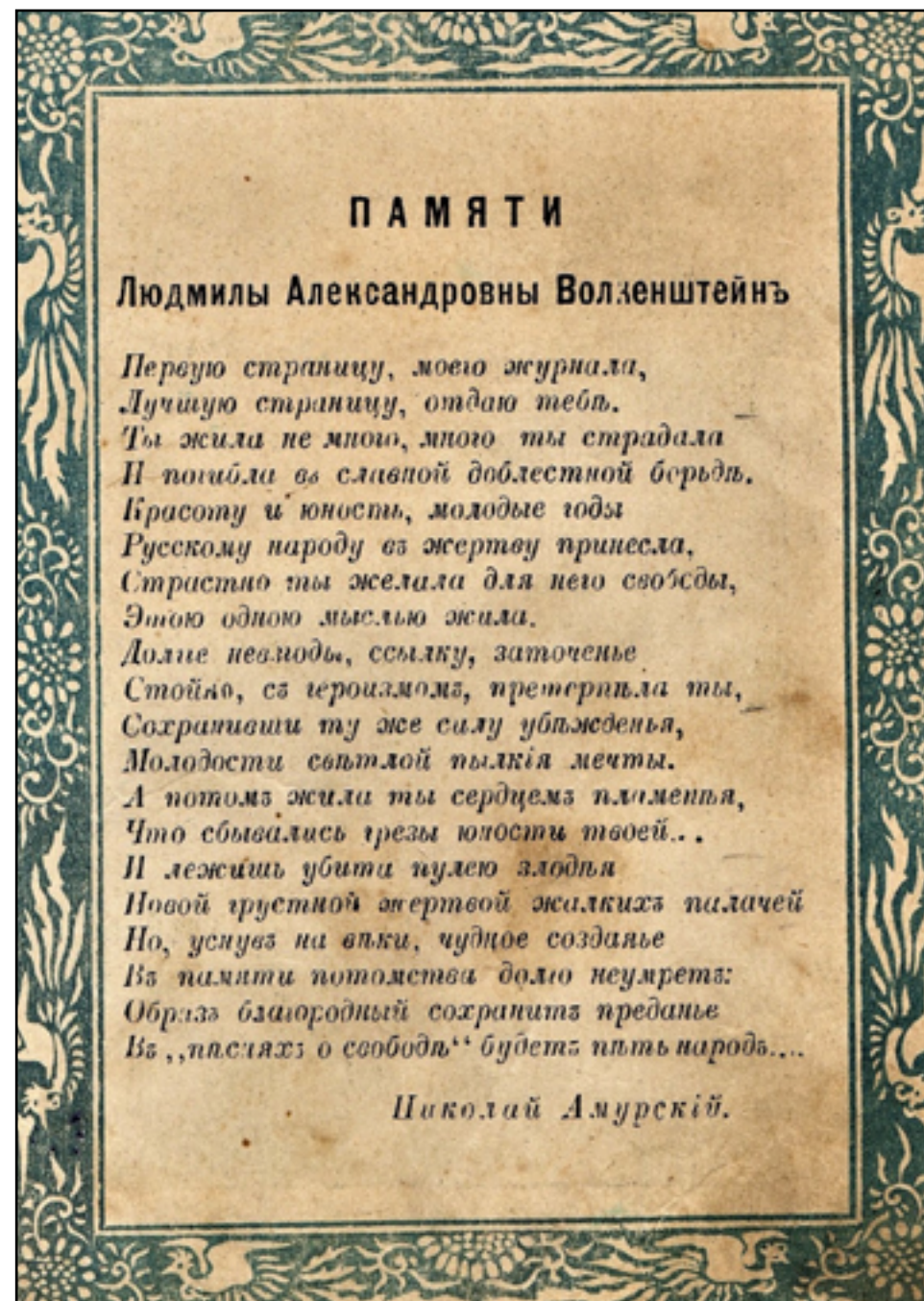
Природа и люди Дальнего Востока.

Какой журналист не мечтает о редакторском кресле? Была такая мечта и у Матвеева, и она осуществилась, когда он задумал выпустить собственный журнал под названием «Природа и люди Дальнего Востока». Николай Петрович писал: «Весь Приморский край мне хорошо известен. А ведь это большой плюс. Начиная в наших углах какое-либо издание, нельзя первое время надеяться на многих сотрудников. Я уже редактировал газету и знаю, что дальневосточный редактор должен не только подбирать материал для печати, но и сам писать статьи, корректировать их, подчас стоять над версткой номера, заведовать продажей газеты.

Ко всему этому прибавьте самое главное: вечно думать, что вот-вот наборщики загуляют, заменить их некому, номер издания может своевременно не выйти! Зная все это, я все же приступаю к изданию журнала. Я уже получил из Петер-

бурга и Москвы ряд клише, изготовленных с моих фотографий, иллюстрирующих жизнь нашего края. Внешностью мой журнал будет походить на “Ниву”, содержанием же на сойкинский журнал “Природа и люди”. Много, много предстоит мне работы впереди».⁸ О программе первого журнала на дальневосточной земле Н.П. Матвеев сообщил в рекламе, которую напечатал в некоторых газетах Владивостока: «Всестороннее ознакомление русского общества с природой, людьми и жизнью их на Дальнем Востоке.

Руководящая идея — сближение всех, живущих здесь, как равных друг другу народов, устранение всего того, что порождает взаимное недоверие, вражду и угрожает в будущем новыми потоками крови. В вопросах русской жизни журнал будет примыкать к наиболее радикальным элементам общества».⁹ Н.П. Матвеев вынашивал идею с помощью журналистики сблизить народы, населяющие соседние с Приморьем страны, — Китай, Японию Корею. Он был настоящим энциклопедистом в отношении того, что касалось этих стран, и понимал, что у народов, имеющих общим домом Дальний Восток, много общего. В матвеевском журнале мы находим очерки о тех людях, с которыми судьба тесно сводила редактора-издателя в разные годы его жизни: о бывшем политкаторжани-

не Л.Я. Штернберге, впоследствии известном ученом-этнографе, Б.П. Пилсудском, Н.В. Ремезове, Ю.П. Ювачеве (Миролубове), ссыльном морском офицере, авторе шумевшей книги «Восемь лет на Сахалине», и многих других. Чтобы журнал был рентабельным, Матвееву приходилось экономить на всем.

Не имея возможности выплачивать авторам гонорар, большинство материалов для журнала он писал сам. По этой же причине старшие его сыновья работали на типографской машине, они же бегали по городу, разнося журнал подписчикам. Дела в издательстве шли неплохо, журнал быстро раскупался, но через семь месяцев после выхода в свет первого номера читатели вместо ожидаемого 28-го получили извещение следующего содержания: «От редакции журнала “Природа и люди Дальнего Востока”. По независящим от редакции обстоятельствам в выпуске журнала произойдет некоторая задержка. Срок подписки по окончании нее будет соответственно удлинен».¹⁰

Арест Николая Матвеева

Мало кто из владивостокцев знал, что причиной задержки очередного номера был арест Н.П. Матвеева. Его задержали, когда он через Обу Касаку получал привезенные из Японии клише для своего журнала. Они оказались завернуты

в листы бумаги с нелегальным содержанием. Оба Касаку писал об этом так: «Во время войны в Японию приехал доктор Рассел (Н.К. Руссель-Судзиловский — А.Х.), представитель социал-демократической партии, старый человек по возрасту, но очень энергичный. Он попросил меня отправить во Владивосток для военных репатриированных какие-нибудь пропагандистские материалы этой партии, оказать помощь в распространении их.

После наступления мира я первым пароходом “Хозан-мару” под видом груза привез эти материалы и был схвачен сразу же по прибытии. Старая императорская Россия была государством с хорошо отлаженной системой политического сыска. Не прошло часа или полутора после прибытия в порт Владивосток, как появились несколько жандармов и полицейских и выразили желание сопроводить меня до таможни. У ее дверей стояли вооруженные часовые.

Переступив порог, я увидел разбросанные пропагандистские материалы. Ящик был разбит и выброшен».¹¹ С целью облегчить участь Матвеева Н.К. Руссель-Судзиловский напечатал следующее заявление: «Редакция “Воли” никогда не состояла в каких-либо конспиративных отношениях с Н.П. Матвеевым, никогда его адресом не пользовалась, не

Николай Матвеев во Владивостокской тюрьме. 1906.

имея в этом решительно никакой нужды, т.к. сношения с Владивостоком вполне оборудованы при помощи организации, к которой Матвеев никогда не принадлежал». ¹² Это не помогло. Японца из русской тюрьмы выпустили быстро, а Н.П. Матвеев просидел в ней около года. В аресте Матвеева невольно оказался повинен и его хороший знакомый Б.О. Пилсудский.

В свое время он послал Матвееву корзину с книгами, а письмо об этом, написанное позже и к тому же по чьей-то ошибке задержавшееся в пути, пришло во Владивосток, когда Николай Петрович был уже арестован, и вместо него оказалось в руках судебных властей. То ли он забыл о корзине с книгами, полученными от Пилсудского, то ли не придавал этому значения. Г. Госткевич ¹³ писал Пилсудскому в мае 1907 г.: «В том самом письме был и для меня листочек, как говорит Ник[олай] Петр[ович], его допрашивали и обо мне, и он очень опасался, чтобы меня не арестовали и не притянули к его делу. Поначалу он даже не хотел говорить, кто я, однако, поразмыслив, сказал. Когда ему вручили обвинительный акт, так он в суде просмотрел целое “дело”, и к нему Ваше письмо не было подшито. Он подумал, что и власти не придали этому значения, иначе он бы старался Вашими предыдущими письмами доказать, что они не

имеют ничего общего с корзиной, присланной из Нагасаки, в которой оказалась нелегальная литература и за которую он был арестован. Вот на суде во время следствия прокурор вытаскивает Ваше письмо и говорит: “Вот доказательство: в этом письме идёт речь о корзине с книгами!” Было бы смешно, когда бы ни было так грустно. Матвеев уже не мог тогда доказать, что это мистификация — уже было поздно, его уже “законопатили” на полтора года. Как это бывает иногда, стечение обстоятельств.

Вы пишете в письме о корзине с книгами и здесь находят корзину с книгами, нелегальной литературой. Понятно, что это правдоподобно, и если принять во внимание, что вы политический и как раз проживающий за границей, а ещё у Вас такой недостаток, что на письмах Вы никогда не указываете дату, то власти были уверены, что это Вы». ¹⁴ Выйдя на волю в декабре 1907 г., Н.П. Матвеев больше не вернулся к журналу, а стал корреспондентом газеты «Далекая окраина». Еще до ареста, 6 апреля 1906 г., он подавал губернатору заявление по поводу издания в Владивостоке еженедельной газеты «Далекий край» «со следующей программой: телеграммы, передовые статьи по общим и местным вопросам, последние известия, хроника края и города, обозрение печати, статьи,

касающиеся соседних стран, статьи под крупными заголовками, корреспонденции, фельетоны, смесь, иллюстрации и объявления». ¹⁵ Это заявление осталось без ответа.

В Библиотеке имени Гоголя.

Все свободное от журналистского время Н.П. Матвеев отдавал городской библиотеке имени Гоголя, ныне Приморская краевая научная библиотека им. М. Горького, где был заведующим на общественных началах. Матвеев заботился о расширении помещения под библиотеку, увеличении фондов. В двух номерах «Далекой окраины» за 1909 г. он опубликовал очерк об истории библиотеки, отметив тем самым ее 25-летие. Он же был автором книги, посвященной 50-летию Владивостока. ¹⁶ По сей день ни одна работа по истории Владивостока не выходит без ссылок на нее. В этой книге немало страниц посвящено и жизни японцев во Владивостоке.

В новой поездке по Японии.

22 июня 1909 г. в составе туристической группы учащихся редактор газеты «Далекая окраина» Д.П. Пантелеев и Н.П. Матвеев приезжает в Цуруга. Целью этой поездки было налаживание контактов между двумя странами после окончания Русско-японской войны. Они считали, что особенно важным является участие в этом молодежи. За две недели экскурсанты объехали префектуры Кансай и Канто. Во время встречи в

осакской женской гимназии «Юхиока» Николай Петрович сочинил стихи, посвященной японской девочке, и прочитал их во время ужина. После отъезда владивостокских туристов Н.П. Матвеев остался и побывал в Кобе и Осака, где детально ознакомился «с методами управления и эксплуатации в японских городах водопровода, канализаций, электролиний, строительством портов, организацией дела в детских садах, библиотеках, больницах, органах помощи больным». В газете «Дальневосточная звезда» вышла его статья под названием «Первая поездка в Японию». ¹⁸ На следующий год в этой же газете Николай Петрович опубликовал статью «Русская прислуга в Японии», в которой рассказал о первых русских в Хакодате. Николай Петрович часто ездил на свою вторую родину — Японию. Его близкий друг и коллега Оба Касаку ¹⁹ писал об одном его приезде: «Однажды осенью он навестил меня в редакции газеты “Асахи” и сказал, что приехал утром этого дня. У меня было несколько билетов на выставку хризантем, и я его пригласил. По дороге Матвеев рассказывал, что собирается выступить с лекциями и рассказать о некоторых исследованиях в области трудовых вопросов Японии, но у него нет материалов о занятости японских женщин. Он попросил меня заехать по до-

Русские учащиеся в Японии. 1909.

роге в книжный магазин Марузен. Я ответил, что таких книг, видимо, нет, так как проблема данная не затронула Японию. На это он рассмеялся, похлопал меня по плечу и сказал: «Не шути! Разве в Нагасаки не женщины грузят уголь на суда, а на строительных площадках разве не женщины с ребенком за спиной таскают кирпич? В Европе такую работу женщины не выполняют».

В книжный магазин мы заехали, но служащий сколько ни искал, но так и не нашел ничего по нужной теме. Матвеев был очень недоволен тем, что проблема женского

труда в Японии никого не волнует, и высказал мне это. На выставке его заинтересовало название каждого цветка. Когда я не мог перевести, он сам пытался составить перевод из значений каждого отдельного иероглифа. Хорошо разбираясь в иероглифике, в сложных названиях хризантем он видел глубокий смысл.²⁰ 26 июня 1911 г. газета Осака Асахи-симбун опубликовала статью Н.П. Матвеева «Японцы глазами русских». В ней он рассказал о своих впечатлениях жизни японцев во Владивостоке и сожалел, что до сих пор являются слабыми торго-

Туристическая группа в Киото. Храм Киёмидзу. 1909. Крайний справ Н.П. Матвеев.

вые отношения. Причину он видел в некотором эгоизме и подозрительности обоих народов. Чтобы исчезли эти проблемы Матвеев предлагал обратить внимание на туризм, в результате чего люди двух стран могли узнать лучше друг друга. Чтобы воплотить свои идеи в 1912 г. в своей типографии Николай Петрович издал путеводитель по Японии, составленный Аркадием Поповым, сотрудником владивостокской газеты «Восток».²¹ В книгу были включены путевые заметки тех, кто уже побывал в Японии. Он продолжает регулярно сотруд-

ничать с японскими изданиями. В частности, журнал «Японо-российский торгово-промышленный вестник» (Нитиро дзицугё симпо) публикует его статью «Мнение русского человека о японо-русском договоре». Он вновь возвращается к вопросам о том, что связывает народы Японии и России. В июне 1918 г. он публикует в 4-м номере этого журнала свои рассказы «Русские новеллы», «Лебедь» и «Из жизни Южно-Уссурийского края», переведенные на японский язык.

После 1917 г.

Октябрьский переворот 1917 г.

изменил жизнь Николая Петровича Матвеева. Вначале он устроился на работу начальником Приморского отделения Закупсбыта. Ему довелось еще раз побывать в Японии. В середине июля 1918 г. он приехал через Корею в Симоносеки, а 24 июля приехал в Осаку. Здесь он организовал осакское отделение Сибирского торгово-кооперативного товарищества, которое возглавил

Оформив все сделки, 10 августа он вернулся из Цуруги во Владивосток. И уже через неделю вновь в дорогу. Японская полиция внимательно следила за всеми перемещениями Н.П. Матвеева, собирая на него досье. 23 сентября он выехал из Осаки в Цуруга, где, отправив груз, вновь вернулся в Осаку. В это время он много публиковал статей в газете «Голос Приморья».

Навсегда в Японию.

Почти месяц Матвеевы жили в Цуруге, а в июле 1919 г. переехали в Осаку, где прожил почти три года. В этом районе открылось несколько издательств, которые стали специализироваться на выпуске литературы для нужд русских эмигрантов.²³ В Кобе имелась электротиполицинкография «Спутник»²⁴, Эти и другие предприятия печатали учебники, буквари и другую литературу.

В смутное время Гражданской войны в России Николай Петрович Матвеев был вынужден срочно перебраться в Японию: зная о

его политических симпатиях, ему угрожали и правые, и левые. Тогда ему казалось, что это будет временная отлучка, а получилось навсегда... В Японии он очень скучал по родине, недаром в 1919 г. появилось стихотворение «На чужбине»:

*А я один, для всех чуждой,
Бреду извилистой тропой,
И, как железная доска,
Неутомимая тоска
Волнует грудь, терзает ум,
И под напором мрачных дум
Я вижу край, где вновь и вновь
Несется стон и льется кровь...
И не несут душе утех:
И эта песнь, и этот смех.*²²

Журналистикой было не прожить и Н.П. Матвеев решил заняться любимым издательским делом. Тем более, что в это время в Осаке уже имелась типография с русским шрифтом.²⁵ Его планы были огромны от издания детских книг и литературных произведений до словарей и справочников. Предполагая, что Приморье испытывает проблемы с книгопечатанием, он хотел наладить издания для Владивостока. А если дело пойдет хорошо, то можно было бы печатать книги и для Токио. С этой целью было организовано в Осака — издательство «Мир», где и увидели в свет книги Н.П. Матвеева.²⁶ Предполагают, что он издал «Русско-китайский словарь», «Хрестоматию для чтения», небольшой

сборник стихов А.С. Пушкина. По горячим следам зверств банд Тряпицына Н.П. Матвеев побывал в Николаевске-на Амуре и постарался описать увиденное и услышанное.²⁷ Возвращаясь домой, он вновь заехал в Хакодате, с которым был связан кровными узами. Очень много времени Н.П. Матвеев размышлял о том, почему установилась Советская власть в России. Об этом рассказывает и его статья «Большевики» в газете «Осака майнити-симбун», увидевшая свет 28 и 29 августа 1919 г., а также в других работах.²⁸ В Японии Николай Петрович продолжил активно заниматься журналистикой, был представителем журнала «Русский Дальний Восток» в гор. Осака, писал статьи в Америку.²⁹ 1 апреля 1922 г., когда уже окончательно стало неизбежность поражения Белого Приморья, Н.П. переезжает с семьей в Хёго (Кобе). Его занятия почти целиком книжной торговле.

Почти все русские интеллигенты, приезжающие в район Кансай, получали приют в доме Матвеевых. Летом 1923 г. в Японию приехал на два месяца писатель Скиталец, который остановился у Николай Петровича. 15 и 16 июля 1923 г. он прочел в Институте культуры лекции «Русский современный литературный мир» и «Ленин и Плеханов глазами литераторов», которые были организованы газетой «Осака

майнити-симбун». В 1928 г. в Нагое вышла на японском языке книга Скитальца, в которой он вспоминал о Горьком, Толстом, Михайловском, Андрееве, Шаляпине, Ленине и Плеханове.³⁰ Возможно, в издании этой книги помог Н.П. Матвеев.

В 1935 г. он участвовал в литературном кружке русских эмигрантов, который выпустил под редакцией М.П. Григорьева сборник «На Востоке». В нем увидела свет работа Н.П. Матвеева «Старые поэты Японии».³¹

Журналистика и литературная работа не давали больших доходов, зарабатывать на жизнь приходилось другим путем. Каким же? Ответ на этот вопрос содержится в письме Веры Малининой из г. Кобе: «Я хорошо помню Николая Петровича Матвеева. Он здесь, в Кобе, занимался книжным делом. Он умел доставать русские книги. Насколько я помню, он иногда ездил в Токио, где было много магазинов со старыми книгами, и он их покупал и привозил продавать. Я не помню, как он доставал другие книги, может быть, из Харбина, так как, как Вы знаете, он посылал статьи в журнал «Рубеж». Он часто приходил к нам в дом с книгами, и у нас было куплено много полных собраний сочинений русских писателей».³²

Н.П. Матвеев беспокоился о судьбе своих детей — их было двенадцать, и многие оставались во Владивостоке. «Я не знаю положе-

Н.П. Матвеев с сыном Зотиком.

ния у вас, — писал Николай Петрович Зотику³³, своему первенцу, — и поэтому не могу хорошо советовать, а хотелось бы и Жоржику, и Пете дать совет не искать журавлей в небе, а сосредоточить все внимание на чем-нибудь маленьком, на каком-либо ремесле, на которое есть спрос, и, забывши все на свете, ста-

раться досконально изучить это ремесло... Пусть будут сапожниками, переплетчиками — лишь бы имели ремесло. Надо бросить мечтать о чем-то неизвестном. Философией можно заниматься и за переплетом, конечно, осторожно, чтобы не испортить работы или руки...»³⁴.

Нетрудно догадаться, что под философией Николай Петрович подразумевал занятия политикой, но, переправляя письма в красную Россию, был вынужден прибегать к иносказанию. Об этом говорят и последние строчки письма: «Извини нас, что в свое время не поздравили тебя с ангелом и с праздником. Теперь не такое время, чтобы считаться в мелочах»³⁵.

Н.П. Матвеев, уехав в Японию, избежал гонений советской власти, но расплачиваться пришлось сыну. Востоковеду и библиографу Зотику Николаевичу Матвееву вменили в вину и проживание его отца в Японии, и знакомство семьи Матвеевых с Оба Како. Вывод делался однозначный: шпионаж в пользу Японии. Надо ли сомневаться в приговоре? Лишь спустя полвека внучка Н.П. Матвеева Татьяна Зотиковна Матвеева узнала о точной дате смерти отца.

НИКОЛАЙ МАТВЕЕВ В КОБЕ

Хроника жизни Николая Матвеева в Кобе.

В 1940 г. Николай Петрович писал: «Живу в Ниппоне уже двадцать лет, занимался корреспондированием и книжной торговлей (Продавал русские книги. Тем же занимаюсь и сейчас, хотя очень состарился (мне пошел 75-й годок) и сильно болею»³⁶.

Несмотря на возраст, Матвеев регулярно объезжал всю Японию, заглядывая в самые глухие места, где жили русские. О том, чем они занимались на Хоккайдо Н.П. Матвеев писал: «Вследствие небольшой площади островов в сравнении с огромным населением Ниппон очень небогат пушным зверем, и местные торговцы пушниной почти весь свой товар получают из-за границы; в частности, много пушнины шло в Ниппон из русского Приамурья. Некоторые ниппонские пушнинники десятки лет жили и работали на русском дальнем Востоке. Но с приходом большевиков иностранным пушнинникам работать там стало невозможно. Естественно, что в результате создавшихся затруднений родилась мысль прибегнуть и в Ниппоне к искусственному разведению некоторых пород пушных зверей, как это делается во многих странах мира. Среди русских самая большая ферма на Сахалине принадлежит Крылову: у него до 80 лисиц.

Из принадлежащих русским беженцам татарам известна ферма Кудашева, имеющая свыше тридцати лисиц. Сахалинские лисицы считаются лучше хоккайдских: их шерсть длиннее, мягче, шелковистее. Впрочем, на Хоккайдо, около Саппоро имеется ферма Волхонцева и Авлова, насчитывающая до 42 лисиц. Даже беглое ознакомление с искусственным разведением лисиц убеждает в том, что дело это будет развиваться, и для русских эмигрантов, особенно специалистов, бывших сибирских и российских пушнинников, оно представляет большие возможности приложить свой труд»³⁷.

Кобе, где жил Н.П. Матвеев, был одним из городов с многочисленной русской общиной. Он писал: «Я, естественно, лучше знаком с жизнью русских во втором районе Кобе, Осака и Киото. Здесь русских граждан около 400 человек. Больше всего было русских, за ними шли татары, евреи и другие. Главнейшие занятия эмигрантов в Японии - торговля из магазинов и вразнос, ремесла, комиссионная деятельность, служба в иностранных и японских предприятиях и, наконец, артистическая деятельность, музыка, пение, танцы, цирковая работа и пр.»³⁸.

Первым общественным формированием стало Общество русских эмигрантов в Японии. Впоследствии

Современный вид Кобе.

здесь существовало девять русских общественных организаций. Наиболее крупными были Эмигрантское объединение (Общество русских эмигрантов), Благотворительное дамское общество, Хоровая студия, приходской совет Успенно-Богородицкой церкви и сестричество. Самым основательным из них было Эмигрантское объединение, насчитывавшее около 30 человек. Общие собрания обычно проводились один раз в год. Объединение оказывало большую помощь бежавшим из Советской России, переправляя

их в Маньчжурию. Оно помогало деньгами русским школам, организовывало детские утренники, создавало кружки молодежи, которые, правда, оказались недолговечными. Основной деятельностью Эмигрантского объединения была выдача денежных ссуд своим членам.

О «Кружке русской молодежи в Кобе» Николай Петрович писал: На днях отпраздновал свою первую годовщину «Кружок русской молодежи в Кобе». В Японии вообще, живет сравнительно немного русских. Естественно поэтому, что и кружок

Европейский квартал Кобе, где жили русские эмигранты.

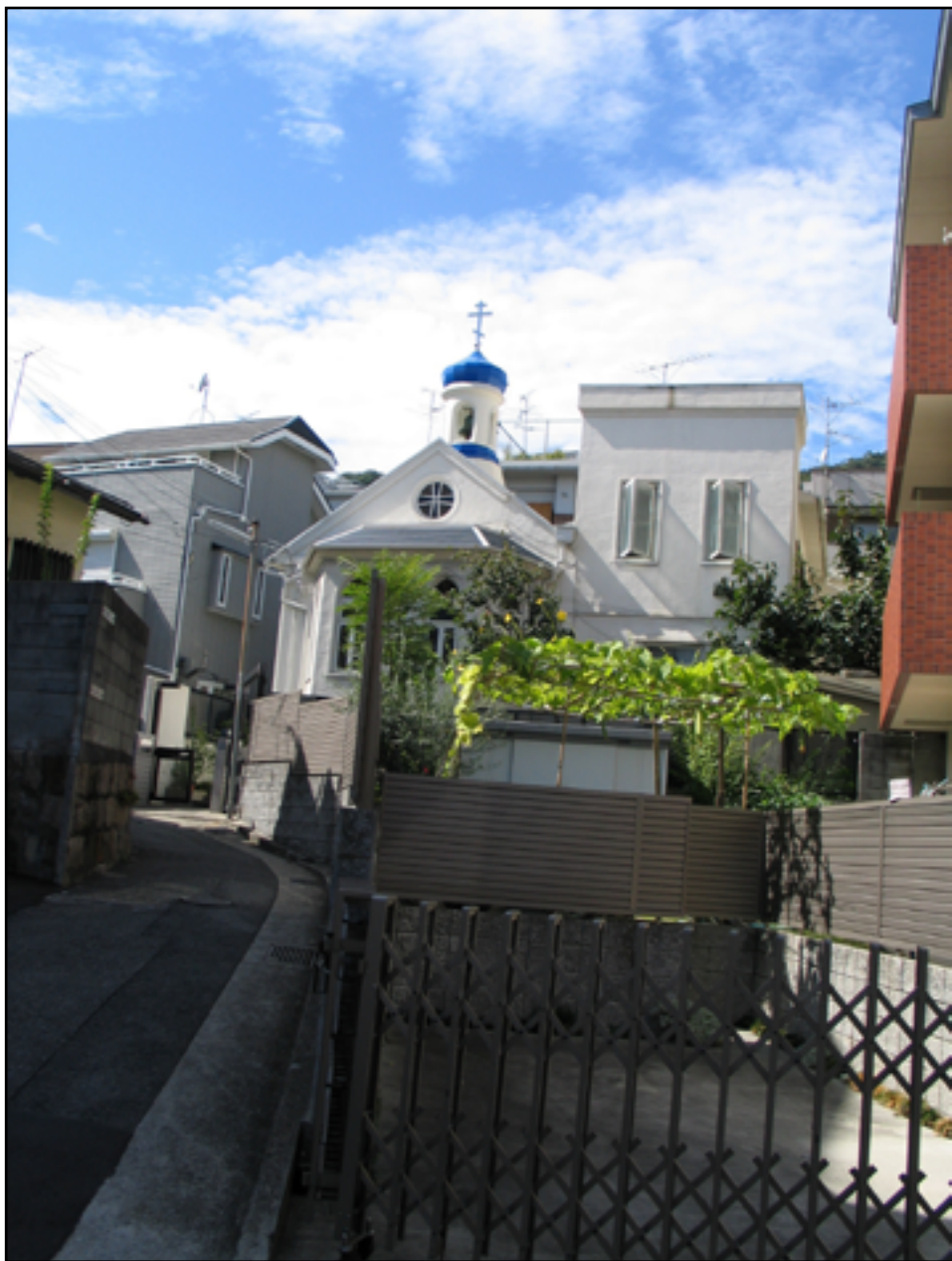
молодежи немногочислен, всего около двух десятков членов. Цели кружка — культурно-просветительские, осуществляемые под контролем «Общества русских эмигрантов в Японии». Кружок устраивает свои вечера, пользующиеся большими симпатиями всей эмигрантской колонии, имеет свой струнный оркестр, занимается самообразованием, литературой, живописью... Большинство членов кружка занято весь день на службе или работе, и в помещение кружка собираются только по вечерам уставшие за день.

Тем не менее, работа продвигается, и кружок сумел объединить большинство русской молодежи в Кобе»³⁹.

Жизнь русских эмигрантов в Японии была непростой. «Небольшая численно русская эмиграция в Ниппоне, - писал Н.П. Матвеев, - не испытывала особенно тяжких лишений, какие выпали на долю русских эмигрантов в большинстве других стран. Но, все же, и ей, в борьбе за сосуществование, приходилось браться за всякий, подчас, очень нелегкий труд. Очень многие здесь занимались торговлей в разнос...

Русская община Кобе. В центре архиепископ Сергей.

Православный храм в Кобе.

С тяжелыми тюками на плечах, с узлами и чемоданами в руках на-полненных материей, готовыми платьями или «канемоно», то есть металлическими изделиями, русские эмигранты обходили из края в край весь Ниппон, все его острова. Несколько лет такой работы, и редкий работник оставался здоровым: наживали чахотку и другие болезни; были случаи преждевременной смерти, казавшихся с виду совершенно здоровыми. Между тем, у многих из них были семьи, от 3 до 6 человек, которых надо было, и кормить, и обучать, и, нередко, лечить. Если при нормальных условиях еще удавалось сводить концы с концами, то каждое осложнение, хотя бы легкая и кратковременная болезнь, выбивало семью из колеи, и ей приходилось испытывать большие затруднения. Обойтись в таком положении без посторонней помощи было невозможно, и русские эмигранты иногда пользовались помощью от местного иностранного женского общества»⁴⁰.

Вынести все тяготы эмигрантской жизни помогало Дамское благотворительное общество, возникшее в 1932 г. Первыми председателями были К.В. Компанион, А.В. Борисова, затем К.А. Щелкова. Организация существовала на членские взносы и пожертвования.

Николай Петрович Матвеев писал: «Скромно, очень скромно

живут в зарубежье родной страны сотни тысяч и миллионы русских эмигрантов. Но всюду, где их есть хоть несколько семей, существуют, и организации, при посредстве которых более состоятельные оказывают поддержку своим менее удачливым в жизни соотечественникам. В Кобе (Япония) существует небольшая русская колония и в ней видную роль играет Русский дамский благотворительный кружок, расходующий собираемые средства на лечение больных, на выдачу пособий престарелым, на похороны и т.д.»⁴¹.

Большое значение русские женщины придавали воспитанию подрастающего поколения. «У эмигрантов, живущих в Кобе, как и прошлые годы, явилось желание устроить для детей елку. Группа лиц в составе: госпожи Заорская, Кривушина, Иванова, Кар и Братухина и господ Швалев и некоторых других, собрали некоторые средства, игрушки, вещи и продукты и организовали елку. Некоторую помощь оказало и местное эмигрантское объединение. Публики собралось около 80 человек, из них около половины — детей. В программе приняли участие наравне с детьми и взрослые. Так, известная певица Карасулова исполнила, к общему удовольствию всей публики, несколько детских песенок. Сами дети весело играли, декламировали стихи, пели танцевали, водили хоровод. Детям было

дано угощение и розданы сласти и подарки. Словом, хоть и скромно, но обычай родной старины был соблюден, и маленькая эмигрантская семья провела несколько часов в дружеском единении около своих детей»⁴². Николай Петрович обращал внимание и на то, как японцы воспитывают своих детей⁴³.

Наиболее молодым объединением русских эмигрантов была хоровая студия, основанная в 1936 г. Инициатором ее создания был приглашенный из Харбина регент Успенно-Богородицкой церкви К.А. Андреев. Ему удалось организовать любительский хор, который впервые, и очень удачно, выступил на вечере памяти А.С. Пушкина. В дальнейшем хор постоянно принимал участие в детских утренниках.

Николай Петрович было прихожанином «Новой церкви», о которой писал: «Этот молитвенный дом называется «новой церковью» в отличие от другой, имеющейся в Кобе русской православной церкви, возникшей ранее и объединившей первоначально всех местных эмигрантов. О причинах, послуживших к расколу и созданию «новой церкви», в свое время писалось в газетах. Суть заключается в следующем. Архиепископ Японский Сергей однажды в Токийском соборе произнес проповедь, содержание которой мало соответствовало установившемуся среди эмигрантов понятию

дел в Советской России. Из Его слов выходило, что положение это вполне приемлемо. Многие из прихожан были возмущены этой проповедью и протестовали в письменной форме. В то же почти время выяснилось, что архиепископ Сергей возведен Московской духовной властью в сан митрополита. Таким образом, эмиграция, отрицающая нынешнее советское правительство, должна было подчиниться духовной власти, поставленной Московской советской властью. Существующая в Кобе православная церковь открыта с благословения архиепископа Сергея и ему подчинена. Отойти от нее настоятель этой церкви не пожелал, часть прихожан нашла неудобным оставаться и образовала новый приход, подчиняющийся заграничной Антониевской церкви». Таким образом, создавался молитвенный дом, носящий название «Новой церкви». По приблизительному подсчету в Кобе проживает эмигрантов около 350 человек, считая жен и детей»⁴⁴.

О своих друзьях мусульманах-выходцах из России Николай Петрович писал: «Распространению магометанства в Ниппоне несколько способствовала и... русская революция, разогнавшая по всему свету среди миллионов русских граждан, также и магометан – татар. Сотни последних поселились в Ниппоне и стали здесь пионерами нового для страны Восходящего солнца

В то же почти время выяснилось, что архиепископ Сергей возведен Московской духовной властью в сан митрополита. Таким образом, эмиграция, отрицающая нынешнее советское правительство, должна было подчиниться духовной власти, поставленной Московской советской властью. Существующая в Кобе православная церковь открыта с благословения архиепископа Сергея и ему подчинена. Отойти от нее настоятель этой церкви не пожелал, часть прихожан нашла неудобным оставаться и образовала новый приход, подчиняющийся заграничной

Антониевской церкви». Таким образом, создавался молитвенный дом, носящий название «Новой церкви». По приблизительному подсчету в Кобе проживает эмигрантов около 350 человек, считая жен и детей»⁴⁴.

О своих друзьях мусульманах-выходцах из России Николай Петрович писал: «Распространению магометанства в Ниппоне несколько способствовала и... русская революция, разогнавшая по всему свету среди миллионов русских граждан, также и магометан – татар.

Николай Петрович было прихожанином «Новой церк-

вида торговли, торговля «с рук», в разнос, отрезами материи для костюмов. Они ведут эту торговлю вот уже восемнадцать лет, сильно расширив дело, обзаведясь с течением времени недвижимым имуществом, магазинами, мастерскими и пр. У них довольно обширные связи с ниппонским торговым миром. Словом, если ниппонцы сумели завязать обширные связи со всем азиатским миром, то и представители этого мира, магометане, завели прочные связи в Ниппоне»⁴⁵.

Появились первые мусульманские общественные организации, школы и мечети. «В Токио они существуют уже несколько лет, — писал Матвеев. — Там, преимущественно на средства, собранные среди магометян, бывших российских граждан, построен большой деревянный дом, в котором помещаются мечеть и школа. Но еще более солидное здание мечети и школы при ней создано у нас в Кобе».

Мусульманство было очень редким явлением среди японцев: до 1920 г. едва ли по всей стране набрался бы один десяток мусульман. Сильным толчком в росте мусульманского населения в Японии стала революция в России. В основном первыми эмигрантами стали татары. Поначалу они занимались торговлей вразнос с лотков, но некоторые смогли быстро расширить свое дело, приобрести недвижимость и

Мечеть в Кобе.

открыть магазины. К концу 1937 г. в Японии насчитывалось уже около двух тысяч мусульман. Одной из причин было и то, что Япония расширила свое влияние в странах азиатского региона, где ислам был широко распространен. Торговцы из Японии потянулись в эти страны, но и оттуда пошел обратный поток в Страну восходящего солнца.

В 1935 г. в Мукдене собрался съезд дальневосточных мусульман, на котором был избран духовный глава, муфтий тюрко-татар М. Шамгуни. Местом своего жительства он избрал Кобе. Шамгуни много разъезжал по Японии, Маньчжурии, Китаю и Корее. Инициатором постройки мечети в Кобе был А.К. Бохия. В состав строительного комитета вошли мулла Шамгуни, П. Мастер, А.С. Дама, А. Сатур-Ахмед, Г. Агирзиу, Г. Гафар и предприниматель Ферозуддин, выделивший больше всего средств на строительство здания. Мусульмане не только собрали средства, но и приобрели недвижимость, которая давала хороший доход. Н.П. Матвеев подчеркивал, что хотя материальное состояние русских татар было не таким завидным, как выходцев из других стран, но сами они отличались большой активностью. В это время председателем собрания татар-эмигрантов был Азис-Али.

В 1930-е гг. в Японии был очень популярен русский театр. В Кобе несколько лет работала театральная контора Б. Андреева. Она организовывала гастрольные поездки по Японии русских артистов из Китая и Америки. Широкой известностью пользовалась труппа «Metro-Variety», состоявшая из четырех сестер Данилевских, дуэта Дворжек (арфа и скрипка) и итальянских певцов.

Исламский центр (рядом с мечетью) в Кобе.

Не отставали от заезжих артистов и местные художественные силы. В 1930 г. отпраздновал первую годовщину своей деятельности Кружок русской эмигрантской молодежи в Кобе. Около двух десятков человек поставили несколько просветительских концертов и спектаклей. Большую помощь в этом им оказало Общество русских эмигрантов в Японии. Кружок имел собственный струнный оркестр. Не редкостью были вечера самообразования, на которых эмигранты занимались литературой и живописью. Денег не хватало, и многие эмигрантские общества обращались за помощью к иностранным благотворительным организациям.

10 февраля 1937 г. русские эмигранты в Кобе торжественно отметили столетие со дня смерти А.С. Пушкина. Для литератур-

но-вокального вечера был арендован огромный зал Кай-им-канкан, где собрались не только русские, но и почти вся иностранная колония города. Не остались в стороне и японские любители творчества знаменитого поэта. Большой доклад о Пушкине сделал А.Л. Ломаев.

Н.П. Матвеев прочитал свое «Слово о Пушкине». После этого звучали стихи Пушкина, пел русский хор и были поставлены две сцены: «Келья в Чудовом монастыре» и «В корчме».

Весьма близки японцам были философские идеи толстовства. Первым представителем этой семьи, посетившим Японию, стал второй сын великого писателя Илья Львович (1866–1933). В 1917 г. в Японии побывал третий сын Толстого, Лев Львович (1869–1945). Наконец, добралась до Японии и младшая дочь Александра. Формальным поводом ее приезда в октябре 1929 г. было «чтение лекций о Толстом и изучение преподавательского дела в Японии». Разрешение на временный выезд из России ей удалось получить благодаря приглашению японских газет «Токио Нити-Нити» и «Осака Майнити». К приезду дочери писателя японцы издали на японском языке ее книгу «Трагедия отца. Смерть и уединение Толстого», увидевшую свет в переводе Осэ Кэйси в Токио в 1929 г. Вместе с Александрой Львовной в качестве

секретаря и помощницы в Японию приехала ее компаньонка О.П. Христианович с дочерью Марией.

Они поселились в местечке Асия возле Кобе, откуда А.Л. Толстая регулярно ездила по стране для чтения лекций и встреч с японской общественностью, на которых рассказывала о своем отце. Кроме лекций Александра Львовна преподавала русский язык. В 1930 г. она издала на японском языке свои воспоминания, которые использовала в своих лекциях «Торусутои но оmoi-дэ: (Воспоминания о Толстом)».

Огромную помощь А.Л. Толстой в Японии оказал Масутаро Кониси (Matsutaro Konishi). Он познакомился с Л.Н. Толстым, находясь с 1887 г. на обучении в Киевской духовной семинарии. По его рекомендации Лев Николаевич перевел в 1895 г. «Дао де Дзин» Лао-цзы путем сопоставления английского, немецкого и французского переводов этой книги.

Н.П. Матвеев также был знаком с Кониси Масутаро, которого называл Даниилом Павловичем. «Недавно, будучи в Токио, я посетил Д.П. Кониси, — писал Матвеев. — Он работает над своим капитальным трудом, книгой о Лье Толстом. Жалуются, что труд разросся: написал уже 2200 страничек, а конца все еще не видно. Кониси-сан кроме произведений Л. Толстого перевел еще на ниппонский язык книгу дочери великого писателя Алексан-

дры Львовны и был ее спутником и переводчиком в дни ее пребывания в Ниппоне. В России г. Кониси бывал несколько раз и в недавнее время, причем однажды ему пришлось быть переводчиком в беседе между известным ниппонским промышленником г. Кухара и... Сталиным»⁴⁶. В 1948 г. Кониси вспоминал о своем знакомстве с писателем в книге «Говоря с Толстым». Из Японии А.Л. Толстая не вернулась в Россию, а эмигрировала в США.

Николай Петрович считал своим другом и протоиерея Семена Семеновича Мия, о котором писал: «Не так давно этому почтенному иерею исполнилось восемьдесят лет. В свое время, по окончании бывшей Токийской духовной семинарии о. Семен Мии был командирован в Россию, где и закончил одну из русских духовных академий. В настоящее время пребывающие здесь русские эмигранты хорошо познакомились со страной, освоились с языком и могут, по крайней мере, большинство из них, обходиться своим средствами в разных случаях жизни. Не то, конечно, было в начале пребывания здесь... Они не могли вести никаких дел, даже самых маленьких, без посредников, при чем платить за услуги большинства эмигрантов, по бедности, не могло. И вот, с самых первых их шагов в Ниппоне им шли на помощь друзья — ниппонцы, среди которых

сразу выделился С.С. Мии, который неизменно шел на помощь эмигрантам. Невозможно перечислить всех его услуг эмигрантами и их семьям. С какими только просьбами к нему не обращались! И он исполнял их, не стесняясь временем и состоянием собственного здоровья. По ходатайству митрополита Сергия высшая церковная власть предложила о. Семену сан епископа, но он от этой чести отказался, ссылаясь на нездоровье. Несмотря на преклонный возраст о. Семен Мии еще бодр и по-прежнему служит в церкви и оказывает возможную помощь всем к нему обращающимся»⁴⁷.

Н.П. Матвеев был дружен с профессором Петром Петровичем Веймарном. Грустью веет от некролога, который написал Николай Петрович: «Но судьба решила иначе: длительная болезнь почек и др. свели его преждевременно в могилу. В связи с двухлетней годовщиной со дня смерти мы считали своим долгом напомнить об этом выдающемся человеке. Он должен быть нам дорог не только как талантливый человек, но и как громадная культурная сила... В своих «очерках по энергетике культуры» он горячо ратовал об образовании в России и о наиболее рациональной его постановке. В упомянутых очерках П.П. высказал довольно простым языком много интересных мыслей и нельзя не пожалеть, что эти мысли будут

похоронены в специальном, мало распространенном издании. Особенно горячо он проповедовал необходимость развития естествознания. В истории развития русской культуры он должен занять свое место среди немногих десятков русских людей и тело его должно быть похоронено на родной земле, когда наступит час Русского воскресения»⁴⁸.

Очень много статей Н.П. Матвеев писал для харбинского журнала «Рубеж». Несмотря на сложное время, русские эмигранты-туристы любили приезжать в Страну восходящего солнца. Поэтому Матвеев стал регулярно рассказывать о японских достопримечательностях⁴⁹ и обычаях⁵⁰.

Японская погода не баловала русских жителей. Об одном урагане Матвеев писал: «Среди пострадавших в Кобе и окрестностях оказались и русские эмигранты. Одна большая семья из семи человек едва спаслась полуодетой из дома, и этот дом после этого был унесен потоком. Одна эмигрантка, находившаяся на втором этаже этого дома, была унесена вместе с домом и протащена несколько кварталов вниз, где, израненная, избитая, с большим трудом была извлечена. У некоторых погибло все имущество. Некоторые семьи оказались разъединены и долгое время ничего не знали о судьбе своих близких. Судьба кое-кого из эмигрантов неизвестна пока и до сих пор»⁵¹.

Памятник на могиле П.П. Веймарна в Кобе.

В сентябре 1925 г. пароход «Shizuoka-Maru» бросил якорь в порту Кобе. «У меня в кармане была мелочь, — вспоминал Морозов-старший, — а в бумажнике разный хлам. Перевод на 375 долларов, а надо 3.000. Спокойно подхожу на допрос. На один стол кладу подлинник, на другой копию документов. Подбегают с услугами бойки-японцы. Один немного болтал по-русски, а я ему — золотой, 5 рублей, на чай. Он начал расхваливать меня — богач, дескать, знатный, все время с аме-риканским консулом, значит они друзья. И я немедля на берегу».

Уже утром следующего дня Мо-

Ф. Д. и Д. Н. Морозовы с дочерью Ниной и сыном Валентином (1925 г.)

F. D. & D. N. Morozoff, daughter Nina, son Valentine (1925)

розов-старший, выучив несколько японских фраз, отправился в путь с пудом тканей и 14-летним сыном Валентином. Как он объяснялся с покупателями, неизвестно, но в первый же день заработал 13,50 иен, что считалось уже неплохо. На второй день выручка оказалась поменьше, всего 9 иен, но торговец не унывал.

Почти не зная японского языка, он держал во всех карманах карандаши. Предлагая товар, пишет свою цену, а японцы в ответ, свою. Торг шел не на шутку, пока кто-то не решился уступить. Но в любом случае, даже если и не получалась ожидаемая прибыль, Морозов не терял присутствия духа и оптимизма. Знал — в другой раз повезет больше. Если продажа шла туго, менял отрезы на шелк и шелковую вату. Долго у него в сундучке хранился настоящий японский шелк — на память о матери.

В основном Морозов торговал в центральной части Японии, доходя до Хиросимы. Пройдя путь торговца тканями вразнос, в марте 1926 г. он открыл лавку кондитерских изделий собственного производства. К этому же времени относится его знакомство с коллегой и будущим конкурентом Макаром Гончаровым, в прошлом работником владивостокской кондитерской фирмы, принадлежавшей известной на Дальнем Востоке купеческой семье Ткаченко. Эмигрировав из России, Гончаров начал в Сеуле в 1923 г. производство

и продажу шоколадных изделий, а в 1925 г. переехал в Японию. Некоторое время они поработали вместе, но потом их пути разошлись.

Вначале Морозов создал акционерное общество, но и оно в результате едва не привело к банкротству. Он вспоминал: «Компанион и с ним хитрец-Факу-мото, возгоревшись нашей дело-витостью и добротой, чтобы еще больше приблизить нас, наметили план сватовства, продемонстрировав кулинарные способности дочки. Хотя дочь и разница от брата, который вскоре появился в деле, но этот толчок ускорил мое решение женить сына на харбинке, чтобы избавиться от зависимости. А на кого пал жребий? Внукам теперь понятно! А компаньоны тогда иные нажимы наметили, всякими способами подобрать к рукам магазин. А мы хотели во что бы то ни стало удержать магазин, как отдушину на будущее».

Увы, предприниматель тогда не удержал не только компанию, но и торговую марку «Морозов». Федор Дмитриевич начал все заново и восстановил кондитерское производство под названием «Валентайн компании», взяв для в качестве торговой марки имя своего сына Валентина. Фирма Морозовых под названием «Космополитан» до сих пор остается чисто семейным предприятием.

Еще до начала Второй мировой войны Морозовы заработали день-

Стоят: слева направо, племянник Ф. Д. Морозова Николай Кузнецов-Кент, сын Валентин, дочь Нина. Сидят: Д. Н. и Ф. Д. Морозовы (1927 г.)

Standing on the left Nikolai Kuznetzoff-Kent (nephew of F. D.), son Valentine, daughter Nina, sitting D. N. & F. D. (1927)

ги на домик в Ойке, деревушке в 12 верстах от Кобе. «Казалось бы, иностранец в Японии во время войны никак не может завести новое дело, но только не мой друг Морозов. Он закрыл свой магазин и уехал жить в горы, где построил для себя небольшой дом. После этого стал уговаривать друзей покупать землю рядом с собой, уверяя, что земля здесь имеет огромную будущность. Он был так красноречив, что никто не мог ему противостоять, и он стал агентом по недвижимости». Так, Морозовы не только сами спаслись от воздушных налетов на Кобе, но и помогли другим русским. В это время в городе, разрушенном на 80%, погибли более 20 тысяч человек.

Своим потомкам основатель династии оставил завет: «Все это позади и воспоминания об этом, как о прошлом сие, без всякой обиды на кого-либо. И завещаю вам, и вы в жизни скорее забывайте всякие злобы, потери и обиды, а вспоминайте доброе. Бедность — не порок. Каждый обедневший должен быть обласкан и поддержан, кто бы он ни был. Знайте также, что когда человек потерял капитал — не все потеряно, если он сохранил честное имя и веру в Бога! Постепенно может все поправиться. Но при богатстве, кто был гордец — это гибель. При зле, при всяких делах и в хворях — лекарства не на пользу! Приветствовал, чтобы определять эти расходы

туда, где есть насущная нужда, в память усопших отсылать. Но в день похорон хлопотущие, а также духовенство, должны вознаграждаться. А если после меня будет возможность в этом направлении что сделать нуждающимся уделите, но, как и в жизни моей — никаких излишеств. Для достижения дружбы и знатности необходимо от себя всегда проявлять теплоту, прямоту (в меру) и всегда почтительность в отношениях. Эластичность, нух — не переборщить бы. И надо помнить, что у каждого друга есть жены с разными капризами, с этим надо считаться. Нужна и осторожность всегда при оценках мужа или жены и их характерах и поведении.

Только от высокомерия происходит раздор. Мудрые принимают совет! Не спешите в духе своем раздражаться, и во время счастья — пользуйтесь счастьем. А когда не везет, спокойно выжидайте. Не будь слишком правдив, чтобы не вводить в заблуждение других. Гордость — предшествует гибели. Где нет согласия и нет понимания, где гордость и тщеславие превышают все добрые устои, невозможно избежать неприятностей. Все это нужно брать во внимание»⁵³. Девизом компании Морозовых был лозунг «Качество, труд, упорство». Его стали печатать на многих коробках со сладостями в Японии. Известно, что шоколад нравился и японскому императору.

Ф. Д. МОРОЗОВ НА ПАМЯТЬ ПОТОМСТВУ

F. D. MOROZOFF
A LEGACY TO MY HEIRS

ПОСЛЕДНИЙ ГОДЫ ЖИЗНИ НИКОЛАЯ МАТВЕЕВА

Николай Петрович Матвеев скончался 8 февраля 1941 г. Перед смертью он долго болел и уже не мог зарабатывать на жизнь. На помощь пришли друзья-японцы, которые не только собрали деньги на лечение, но и взяли на себя содержание семьи Матвеева.

Журнал «Рубеж» писал: «Мир праху твоему, дорогой друг! Такова надпись на прекрасном гранитном памятнике на кладбище в г. Кобе, на могиле покойного Николая Петровича Матвеева. Памятник поставили покойному его друзья ниппонцы, которые, помимо того, как только узнали о болезни Ник. Пет. и его затруднительном материальном положении, собрали значительную сумму денег, приняли лечение на свой счет, а после смерти положили приличную сумму в банк на имя жены покойного. Покойный был редкой души человек, который смело мог служить примером для других. Больше полвека он провел в общественной и литературной работе, сотрудничал почти во всех газетах и журналах Дальнего Востока и за границей. Своей скромностью, трудолюбием, честностью и готовностью оказать каждому помощь и услугу, он привлекал сердца знающих его, что и было оценено его многочисленными друзьями ниппонцами, сделавшими для него то,

Памятник на могиле Николая Матвеева

что мы, русские, не могли сделать, и нельзя не отдать должного уважения и глубокой благодарности таким друзьям. В день смерти Н.П. было получено много телеграмм почти со всех городов Ниппон, Маньчжурии, а также от старейшего друга покойного Оото-Какумии из Монголии. Главными инициаторами помощи были: г-н Дайко (ныне покойный) и господ Ватанабэ, бывший консул во Владивостоке, Оками — секретарь торговой палаты в Кобе, Секино — председатель Русско-Ниппонского о-ва, Курода — редактор газеты в Токио, Симода — бывший посол в Эстонии, Кавасуми, Мурата и мно-

Могилы Николая Матвеева

гие другие. 10 августа с.г. в полугодовой день смерти Н.П. состоялось освящение памятника в присутствии родных, знакомых и почитателей покойного. От друзей-ниппонцев присутствовал г-н Кавасаки и др.»⁵⁴

Японцы соорудили на могиле Матвеева гранитный памятник-православный крест с надписью «Мир праху твоему, дорогой друг!», который был освящен через полгода после его смерти — 10 августа 1941

г. Они же перечислили крупную сумму денег на имя жены покойного. Памятник на могиле Матвеева был поставлен благодаря энергии бывшего генерального консула Японии во Владивостоке Ватанабе Рио. Вернувшись на родину, он оказывал большую помощь всем владивостокцам, живущим на чужбине. Впервые Ватанабе приехал во Владивосток на практику в 1896 г., будучи студентом. Вскоре он познакомился с семь-

Памятник на могиле Николая Матвеева

ей председателя Общества изучения Амурского края Н.М. Соловьева. Соловьев был настоящим интеллектуалом, превосходным знатоком края. В беседах с ним японский студент проводил все свободные вечера, пока и вовсе не поселился в семье. Именно это обстоятельство помогло ему не только хорошо выучить русский язык, но и познакомиться с местной интеллигенцией.

Во время Гражданской войны в России Ватанабе Рио служил вице-консулом в Японском посольстве в Москве, а уже оттуда в должности консула вновь приехал во Владивосток. Много усилий потратил он на то, чтобы наши народы мирно разошлись после октября 1922 г. Прекрасно знавший русский язык и литературу, хорошо разбиравшийся в истории России, консул Ватанабе-сан стал душой общества

в городе. Любой житель Владивостока мог зайти к нему в консульство, чтобы попросить совета, обсудить какой-то вопрос или просто поговорить на самые разные темы⁵⁵.

В октябре 1929 г. Ватанабе Рио покинул Владивосток. В день отъезда бывшего генерального консула на родину у парохода собрался весь цвет владивостокской интеллигенции. Проводить Ватанабе пришли ректор Дальневосточного университета Пашкевич, профессора Агрономов, Савич и многие другие. Был среди них и Владимир Клавдиевич Арсеньев. На прощание все вместе сфотографировались. 16 безмятежных людей, улыбающихся в объектив, не знали, что в скором будущем этот дружеский снимок станет уликой по обвинению их в шпионской деятельности в пользу Японии и послужит причиной гибели многих⁵⁶.

СТАТЬИ НИКОЛАЯ МАТВЕЕВА В «РУБЕЖЕ»

На днях отпраздновал свою первую годовщину «Кружок русской молодежи в Кобе». В Японии вообще, живет сравнительно немного русских. Естественно поэтому, что и кружок молодежи немногочислен, всего около двух десятков членов. Цели кружка — культурно-просветительские, осуществляемые под контролем «Общества русских эмигрантов в Японии». Кружок устраивает свои вечера, пользующиеся большими симпатиями всей эмигрантской колонии, имеет свой струнный оркестр, занимается самообразованием, литературой, живописью... Большинство членов кружка заня-

то весь день на службе или работе, и в помещение кружка собираются только по вечерам уставшие за день. Тем не менее, работа продвигается, и кружок сумел объединить большинство русской молодежи в Кобе. *Амурский Н. Молодежь объединяется... Кружок русской молодежи в Кобе // Рубеж. 1930. № 45 (1 нояб.). С. 15, ил.*

«Скромно, очень скромно живут в зарубежье родной страны сотни тысяч и миллионы русских эмигрантов. Но всюду, где их есть хоть несколько семей, существуют,

Адмирал Х. Като

и организации, при посредстве которых более состоятельные оказывают поддержку своим менее удачливым в жизни соотечественникам. В Кобе (Япония) существует небольшая русская колония и в ней видную роль играет Русский дамский благотворительный кружок, расходующий собираемые средства на ле-

чение больных, на выдачу пособий престарелым, на похороны и т.д. На снимке — организаторы бала Дамского кружка, устроенного в этом году, 28 апреля, собравшего свыше 300 гостей и давшего выручку в общей сумме 1926 иен. Из собранных средств некоторая часть была отчислена в поль-

зу погорельцев Хакодате. Чистая прибыль от бала 550 иен 45 с. *На помощь ближним...: На балу дамского Благотворительного кружка в Кобе // Рубеж. 1934. №. 27 (30 июня). С. 10, ил.*

«Новая церковь» в Кобе. «Русские в Японии рассеяны по всей стране и ее колониям. Наибольшее число их проживает в городах Токио, Кобе и Иокогама. На помещенной здесь фотографии изображена группа прихожан Кобеского молитвенного дома Успения Пресвятой Богородицы или, так на-

зываемой, «Новой церкви». В центре священник Александр Баевский. Этот молитвенный дом называется «новой церковью» в отличие от другой, имеющейся в Кобе русской православной церкви, возникшей ранее и объединившей первоначально всех местных эмигрантов. О причинах, послуживших к расколу и созданию «новой церкви», в свое время писалось в газетах. Суть заключается в следующем. Архиепископ Японский Сергей однажды в Токийском соборе произнес проповедь, содержание которой мало соответствовало установившемуся среди эмигрантов понятию дел в

Александр Баевский и Петр Каравунский г. Кобе

Настоятель православной церкви Яков

Советской России. Из Его слов выходило, что положение это вполне приемлемо. Многие из прихожан были возмущены этой проповедью и протестовали в письменной форме.

В то же почти время выяснилось, что архиепископ Сергей возведен Московской духовной властью в сан митрополита. Таким образом, эмиграция, отрицающая нынешнее советское правительство, должна было подчиниться духовной власти, поставленной Московской советской властью. Существующая в Кобе православная церковь открыта с благо-

словения архиепископа Сергея¹ и ему подчинена. Отойти от нее настоятель этой церкви не пожелал, часть прихожан нашла неудобным оставаться и образовала новый приход, подчиняющийся заграничной Антониевской церкви.

Таким образом, создан молитвенный дом, носящий название «Новой церкви». По приблизительному подсчету в Кобе проживает эмигрантов около 350 человек, считая жен и детей. В это же число входит и татары-мусульмане (около 70 человек). При таком количестве, казалось бы, можно было ограничиться и одной церковью. Но, увы! Явилось нечто не определимое». *Н.А-ский. Русские в Японии // Прожектор. 1934. Т. 3, № 40 (29 сент.). С. 5, фото.*

Небольшая численно русская эмиграция в Ниппоне не испытывала особенно тяжких лишений, какие выпали на долю русских эмигрантов в большинстве других стран. Но, все же, и ей, в борьбе за сосуществование, приходилось браться за всякий, подчас, очень нелегкий труд. Очень многие здесь занимались торговлей в разнос... С тяжелыми тюками на плечах, с узлами и чемоданами в руках наполненных материей, готовыми платьями или «канемоно», то есть металлическими изделиями, рус-

ские эмигранты обходили из края в край весь Ниппон, все его острова. Несколько лет такой работы, и редкий работник оставался здоровым: наживали чахотку и другие болезни; были случаи преждевременной смерти, казавшихся с виду совершенно здоровыми.

Между тем, у многих из них были семьи, от 3 до 6 человек, которых надо было, и кормить, и обучать, и, нередко, лечить. Если при нормальных условиях еще удавалось сводить концы с концами, то каждое осложнение, хотя бы легкая и кратковременная болезнь, выбивало семью из колеи, и ей приходилось испытывать большие затруднения. Обойтись в таком положении без посторонней помощи было невозможно, и русские эмигранты иногда пользовались помощью от местного иностранного женского общества. Так возникло русское женское благотворительное общество в Кобе отметившее уже 5 лет полезной деятельности.

Средства общества первоначально составлялись из самообложения его членов (членские взносы) и пожертвований, а затем пополнялись, главным образом, доходами с устроившихся Обществом вечеров и балов. Вот — некоторые цифровые данные, позволяющие судить о размерах деятельности Общества. За последние четыре года (за первый год официальных сведений нет)

израсходовано 4068, 81 иена. Выдано пособий 37 человекам — 1563, 42 иены; уплачено за похороны четырех лиц — 302 иены; за отправку в богадельни Харбина — 155 иен; пожертвовано от стихийных бедствий ниппонцам — 162, 80 иен; русским инвалидам — 45 иен. Первой председательницей комитета Общества была К.В. Компанион, под руководством которой и при деятельном участии известной певицы О.П. Карасуловой, были устроены первые вечера-концерты, прошедшие с большим успехом и завоевавшие популярность «русским вечерам», которые с тех пор всегда охотно посещаются местной иностранной публикой. При первом составе комитета, обществу пришлось принять небольшое участие в сборе пожертвований для пострадавшего от наводнения Харбина и отправке этих пожертвований по назначению, в распоряжение Харбинского беженского комитета.

Председательницей комитета второго состава была А.В. Борисова, а затем в продолжение последних трех лет, работает настоящий состав комитета, в который входят: К.А. Щелкова, - председательница, А.А. Иванова и Е.И. фон Виккен — члены комитета; Е.М. Якубенко — казначей и А.Н. Брызгунова — секретарь. Последний вечер Общества был устроен в марте этого года и снова прошел с большим успехом»

А-ский Н. Дружно на помощь бедноте! Деятельность Русско-го женского благотворительного общества в Кобе // Рубеж. 1937. № 24 (12 июня). С. 19, ил.

«2 июня в Кобе на кладбище Касугано была отслужена панихида по профессору Петре Петровиче фон Веймарн, по случаю двухлетней годовщины со дня смерти этого выдающегося русского ученого. Присутствовали — вдова покойного Н.Н. фон Веймарн и группа русских жителей г. Кобе. «Нет, он не умер — он будет жить» — так телеграфировал знаменитый немецкий ученый Освальд госпоже Веймарн. В ответ на извещение ее о смерти мужа Петра Петровича фон Веймарн — замечательного русского ученого химика, сделавшего значительные открытия в области коллоидальной химии, признанные учеными разных стран мира и высоко ценившимся в России.

Хотя новые хозяева России и считали нужным привлечь его к себе и подсылали к нему своих людей, но он по поводу своих отношений к этим «хозяевам», никогда не выказывал никаких колебаний, ни достойными приемниками власти, ни полезными хозяевами страны, ни, тем паче, творцами вечных ценностей он их не считал, и поэтому отверг их предложения.

Ниппонцы узнав какую научную силу представляет из себя профессор П.П. фон Веймарн, пригласили его на службу. В течение десяти лет он работал в лаборатории Осака, причем некоторые его изобретения и открытия нашли широкое применение в ниппонской промышленности. Кроме работ в лаборатории, он читал лекции в Киотском университете. Однако на этом его деятельность не ограничивалась: он много работал по своей специальности в заграничных журналах (американских и немецких). Много его трудов, вышедших отдельными книгами и брошюрами, или в специальных изданиях, было напечатано за границей. Их насчитывается свыше трехсот. Заграничные научные общества высоко ценили П.П. и не раз награждали его.

Закончив работу в Осацкой лаборатории, П.П. продолжал свои работы дома в домашней лаборатории. Из газетных сообщений известно, что уже во время его болезни и нахождении в Шанхае на излечении, Шанхайский технический центр пригласил его встать во главе этой научной технической организации. В то же время одна громадная ниппонская фирма приглашала его возобновить создаваемую ею лабораторию, предлагая выгоднейшие условия. Но судьба решила иначе: длительная болезнь почек и др. све-

Талантливый пианист А. В. Колпаков

ли его преждевременно в могилу.

В связи с двухлетней годовщиной со дня смерти мы считали своим долгом напомнить об этом выдающемся человеке. Он должен быть нам дорог не только как талантливый человек, но и как громадная культурная сила... В своих «очерках по энергетике культуры» он горячо ратовал об образовании в России и о наиболее рациональной его постановке. В упомянутых очерках П.П. высказал довольно простым языком много интересных мыслей и нельзя не пожалеть, что эти мысли будут похоронены в специальном, мало распространенном издании. Особенно горячо он проповедовал необходимость развития естествознания.

В истории развития русской культуры он должен занять свое место среди немногих десятков русских людей и тело его должно быть похоронено на родной земле, когда наступит час Русского воскресения. *Амурский Н. Памяти большого русского человека // Рубеж. 1937. № 30 (24 июля). С. 19, портр., ил.*

«В Ниппоне хорошо знают и ценят Льва Толстого. Произведения его переведены на японский язык и многократно переиздавались. Для популяризации Толстого на островах страны Восходящего

солнца много сделал мой старый друг Даниил Павлович Кониси, или по-ниппонски Кониси Масутаро.

В молодости он очень много ездил в Россию, окончил там одну из духовных наших академий, готовясь стать священником православной ниппонской церкви, и близко познакомился с Россией и многими выдающимися ее представителями. В их числе был и сам Лев Толстой, выразивший через известнейшего в те времена профессора Московского университет Н.Я. Грота желание познакомиться с г. Кониси после того, когда узнал о том, что г. Кониси переводит на русский язык философский трактат Лао-Цзы. Будучи поклонником этого древнейшего китайского философа, Л. Толстой предложил г. Кониси свое сотрудничество с тем, чтобы дать русскому народу Лао-Цзы в можно лучшем переводе.

Совместный их труд был окончен в марте 1895 года и сначала был напечатан в журнале «Вопросы философии и психологии», а затем вышел отдельным изданием. Недавно, будучи в Токио, я посетил Д.П. Кониси. — Он работает над своим капитальным трудом — книгой о Льве Толстом. Жалуеться, что труд разросся: написал уже 2200 страничек, а конца все еще не видно. Кониси-сан, кроме произведений Л. Толстого, перевел еще на ниппонский язык книгу дочери великого

Рут Ф. Шерель

писателя Александры Львовны и был ее спутником и переводчиком в дни ее пребывания в Ниппоне. В России г. Кониси бывал несколько раз и в недавнее время, причем, однажды ему пришлось быть переводчиком в тяжелой беседе между известным ниппонским промышленником г. Кухара и... Сталиным». *Амурский Н. Ниппонец, сотрудник Льва Толстого // Рубеж. 1937. № 35 (28 авг.). С. 14., портр.*

«В числе религий исповедуемых ниппонцами, еще недавно, всего каких-нибудь десять лет назад, совсем не отмечалось магометанство. Тогда во всем Ниппоне едва ли можно было найти хотя бы десяток магометан-ниппонцев. Между тем, в настоящее время, по сведениям магометанского духовенства в Ниппоне насчитывается уже около двух тысяч последователей этой религии. Явление это находит вполне понятное

объяснение в том, что за последнее время между Ниппоном и магометанскими странами создались прочные взаимодействующие условия. Влияние Ниппона, как самой передовой страны Азии, широко распространилось во всем азиатском и африканском мире, громадную часть которых занимают магометане.

С одной стороны, ниппонские представители, - преимущественно коммерсанты, появились во всех углах этого мира, а с другой, представители последнего потянулись в Ниппон, и здесь теперь можно встретить купцов, торговых агентов и студентов едва ли не всех азиатских и африканских народов. При коммерческих и деловых сношениях возникли с ношения и духовного порядка. Распространению магометанства в Ниппоне несколько способствовала и... русская революция, разогнавшая по всему свету среди миллионов русских граждан, также и магометан — татар. Сотни последних поселились в Ниппоне и стали здесь пионерами нового для страны Восходящего солнца вида торговли, торговля «с рук», в разнос, отрезами материи для костюмов. Они ведут эту торговлю вот уже восемнадцать лет, сильно расширив дело, обзаведясь с течением времени недвижимым имуществом, магазинами, мастерскими и пр. У них довольно обширные свя-

зи с ниппонским торговым миром. Словом, если ниппонцы сумели завязать обширные связи со всем азиатским миром, то и представители этого мира, магометане, завели прочные связи в Ниппоне. Магометане всех наций, объединившись около религиозных организаций, сумели создать для своих нужд церкви и школы. Там, преимущественно на средства, собранные среди магометан, бывших российских граждан, построен большой деревянный дом, в котором помещаются мечеть и школа. Но еще более солидные мечети и школы при ней собраны магометанами всех национальностей. Здания мечети и школы обошлись свыше ста тысяч иен! Кроме того, в обеспечение и непрерывного функционирования, на собранные средства приобретено и другое недвижимое имущество, дающее для этого достаточный доход. Необходимо отметить, что, хотя материальное участие русских магометан в деле сооружения мечети в г. Кобе было значительно меньшим, чем магометан других наций, зато они являлись главным будирующим элементом и помогали скорейшему осуществлению проекта личным трудом. Поговаривают, что токийские магометане предполагают построить большую мечеть в Токио. Инициаторы дела хлопочут о субсидии

Председатели дамского благотворительного общества

на постройку. Очень может быть, что в виду некоторого упрочения связей между Ниппоном и магометанскими странами, хлопоты инициаторов постройки мечети в Токио и увенчаются успехом. По-видимому, ислам в Ниппоне имеет шансы на распространение. На снимках А.К. Бохия, инициатор постройки мечети в Кобе и организатор дела. Бюро по постройке мечети: А. Сатур-Ахмед, А.С. Дама, П. Мастер, мулла Шамгуни, Фероззуддин, Г. Агирзиу и Г. Гафар.

Русские магометане слева — А. Абдур-Рахман, один один из видных деятелей, справа Азис-Али, председатель собрания Татар-эмигрантов. *Амурский Н. Ислам в стране Восходящего солнца. Успехи магометанства. Роль русских татар. Новые мечети и школы // Рубеж. 1938. № 4 (22 янв.). С. 4 — 5, ил.*

«У эмигрантов, живущих в Кобе, как и прошлые годы, явилось желание устроить для детей

елку. Группа лиц в составе: госпожи Заорская, Кривушина, Иванова, Кар и Братухина и господ Швалев и некоторых других, собрали некоторые средства, игрушки, вещи и продукты и организовали елку

Некоторую помощь оказало и местное эмигрантское объединение. Публики собралось около 80 человек, из них около половины — детей.

В программе приняли участие наравне с детьми и взрослые. Так, известная певица Карасулова исполнила, к общему удовольствию всей публики, несколько детских песенок

Сами дети весело играли, декламировали стихи, пели танцевали, водили хоровод. Детям было дано угощение и розданы сласти и подарки. Словом, хоть и скромно, но обычай родной старины был соблюден, и маленькая эмигрантская семья провела несколько часов в дружеском единении около своих детей. *Н.А. (Кобе) В Хороводе святочных развлечений. В эмиграции мы не забыли «родных обычаев старины» // Рубеж. 1938. № 6 (5 февр.). С. 11, ил.*

«Много ли русских постоянно живет в Ниппоне? По недостаточно проверенным данным, количество бывших российских подданных исчисляется всего в 2500 человек, причем в это число входят представители всех национальностей, религий и политических оттенков: русские,

татары, евреи, армяне, поляки и др.

Подавляющее большинство, конечно, эмигранты, прибывшие на острова страны Восходящего солнца в пореволюционные годы. Из тех русских, что жили в Ниппоне до революции, сохранились лишь единицы, тоже перешедшие на эмигрантское положение. Не эмигрантов мало: это группа советских граждан, состоящая, главным образом, из служащих советских учреждений; некоторое количество лиц, получивших иностранное подданство, и русские жены ниппонцев и иностранцев.

Расселились русские эмигранты по всей стране. Некоторые живут даже под тропиками, на островах, находящихся в мандатном управлении Ниппона. Но главными районами их расселения и деятельности являются крупнейшие центры торгово-промышленной жизни страны. Это, во-первых, Токио с соседним Иокогама и, во-вторых, Кобе с соседними Осака и Киото. Живя в Кобе, я, естественно, лучше знаком с жизнью русских во втором районе, о ней и расскажу.

Здесь бывших российских граждан насчитывается около 400 человек. Больше всего — русских. За ними татары, евреи и др. Главнейшие занятия эмигрантов в Ниппоне, — торговля из магазинов и в разнос, ремесла, комис

МАТВЕЕВЫ: НАБРОСКИ К РОДОСЛОВНОЙ

Подготовлено Владимиром Павловичем Хохловым (Кавалерово, апрель 2016).

Пётр Матвеевич Матвеев, ум. в Николаевске-на-Амуре от простуды около 1866 г.

Фельдшер в русской православной миссии в Японии.

Жена Евдокия N. N.

2-й её муж в Николаевске-на-Амуре N. N. Богданов, от которого был сын.

II

2/1 Николай Петрович, р. 8 ноября 1865 г. в Хакодате, ум. 10 февраля 1941 г. в Кобе, Япония. Видный общественный и политический деятель Владивостока. В 1918 г. уехал навсегда в Японию.

Жена с 26 сентября 1888 г. (Владивостокская Успенская церковь) Мария Даниловна Попова, ум. в 1950-х гг. в Сан-Франциско, США. Поручители по женихе: владивостокский мещанин Николай Адвентинович Марков и сын поселенца Давыд Дмитриевич Щиголкин, по невесте: нерчинский мещанин Гавриил Гаврилович Золотарёв и Владивостокский лекарский ученик Георгий Николаевич Анкуди-

3. Н. Матвеева Владивосток начало 1920-х

нов. Протоиерей Михаил Смирнов, дьякон Василий Пляскин, псаломщик Игорь Тимошенко. Она дочь Данилы Николаевича Попова, известного никольского охотника на тигров и его жены Прасковьи Павловны, урожд. Гончаровой.

III

3/1 Зотик Николаевич, р. 2 ноября 1889 г. во Владивостоке, расстрелян 25 апреля 1938 г. Историк, востоковед, преподаватель, библиограф.

Жена с июня 1913 г. (Седанкинская церковь) Анастасия Петровна Гаврилова, р. 9 ноября 1891 г. в Кологриве Костромской губернии, репрессирована в 1938 г. как ЧСИР и ум. 19 июля 1944 г. в Сарапуле. Сельская учительница, единственная дочь Петра

Ивановича Гаврилова, машиниста на пароходах Камы и Волги и его жены Надежды Борисовны, ум. в 1920 г.

4/1 Николай Николаевич, р. 24 декабря 1890 г. во Владивостоке, крещён 27 декабря в Успенской церкви священником Михаилом Покровским с псаломщиком Гавриилом Востриковым. Восприемники: сын владивостокского мещанина Степан Данилович Попов и жена крестьянина селения Камень-Рыболов Ивана Ивановича Ладыгина, Екатерина Григорьевна. (Запись № 152м.) Умер в 1979 г. в Москве. Поэт и писатель Матвеев-Бодры

Жена 1-я Мария Н. Дергачёва.

Жена 2-я Надежда Тимофеевна Малькова. Преподаватель литературы, поэтесса.

Жена 3-я Татьяна Александровна Вольтер.

5/1 Пётр Николаевич, р. в 1893 г. во Владивостоке, ум. в 1960-х гг. в г. Куйбышеве. Учитель математики. Стал нервным с тяжёлым характером после удара лошади по голове.

Жена с 13(26) апреля 1922 г. Благовещенская церковь) Александра Филипповна Колесникова, р. в 1901 г. Поручители по женихе: студент ГДУ Павел Пав-

лович Станков и студент ГД Федосий Александрович Игнатьев, по невесте: Александр Кондратьевич Катаев и Владимир Корнильевич Евтушенко. Протоиерей Григорий Ваулин, дьякон Василий Ягодинский (Запись № 30) Знакомая А.А.Фадеева. Затем развод.

6/1 Зоя Николаевна, р. в 1894 г. во Владивостоке, ум. в тюрьме в 1939 г. Хромая дева, репрессирована.

7/1 Венедикт Николаевич, р. в 1896 г. во Владивостоке, расстрелян в Киеве в 1938 г. Журналист, писатель, поэт-футурист. Псевдоним «Венедикт Март». Репрессирован.

Жена 1-я (развод) Серафима Н. Лесохина.

Жена 2-я N. N. N.

8/1 Гавриил Николаевич, р. 2 февраля 1898 г. во Владивостоке, ум. в 1921 или 1922 г. в Чите от тифа. Окончил мореходное училище, затем журналист и поэт-футурист. Холост.

9/1 Георгий Николаевич, р. 23 апреля 1901 г. во Владивостоке, крещён 10 мая в Успенском соборе священником Константином Цивилёвым с дьяконом Павлом Голионко. Восприемники: отставной коллежский советник

Уборка могилы Т. З. Матвеевой

Георгий Евсеевич Анкудинов и жена инженера, надворного советника Алана Феофиловича Ваховского, Любовь Флавиевна. (Запись № 101м.)

Жена Любовь Павловна N.

10/1 Татьяна Николаевна, р. 7 января 1903 г. во Владивостоке, крещена 2 февраля в Успенском соборе священником Михаилом Покровским с псаломщиком Василием Блохиным. Восприемники: отставной коллежский секретарь Георгий Евсеевич Анкудинов и жена лейтенанта Ивана Ивановича Подъяпольского

(Запись № 18ж.) В 1952 г. жила в Сарапуле, умерла в конце 1960-х в г. Рудном, Казахстан.

Муж с 5(18) февраля 1921 г. (Скорбященская церковь убиенных воинов) Пётр Корнильевич Евтушенко, р. в 1892 г. в г. Николаеве. Поручители по женихе: гражданин г. Владивостока Пётр Николаевич Матвеев, по невесте студент ГДУ Павел Павлович Станков (Запись № 8). Пётр работал юристконсультантом АКО, репрессирован и расстрелян 15 сентября 1938 г.

11/1 Мария Николаевна, р. в

1905 г., ум. в 1988 г. в Сан-Франциско.

Муж 1-й Константин Леонтьевич Рослый, р. 29 мая 1897 г., ум. 4 сентября 1926 г. на Камчатке. Приморский поэт-партизан. Бездетен

Муж 2-й Николай Петрович Кривушин (1893 – 1966), коммерсант. На могиле эпитафия «Мужу, отцу и дедушке». Оба похоронены на Сербском кладбище в Колме (Сан-Франциско)

12/1 Михаил Николаевич, р. 14 февраля 1907 г., крещён 25 февраля в Александро-Невской церкви Сибирского Флотского Экипажа священником Андреем Богословским с дьяконом Михаилом Молчановым. Восприемники: чиновник Владивостокского порта, коллежский асессор Владимир Григорьевич Горбунов и жена прапорщика запаса армейской пехоты Василия Константиновича Машанова, Елизавета Васильевна. (Запись № 21м.) Уехал с отцом в Японию, затем вернулся в Россию, (затерялся от КГБ, как сказала Татьяна Зотиковна) работал на шахте в г. Кизел на Урале, затем преподавал английский язык в педагогическом институте в Чимкенте.

Жена Мария Николаевна N., р.

15 декабря 1909 г. в Никольск-Уссурийске. Она дочь Надежды Алексеевны Гончаровой, которая сначала уехала в Японию, затем вернулась и умерла в начале 1960-х гг. в Чимкенте. Надежда Алексеевна, - двоюродная сестра Марии Даниловны Поповой.

13/1 Борис Николаевич, р. 12 августа 1908 г., близнец с Глебом, крещён 31 августа в Александро-Невской церкви Сибирского Флотского Экипажа священником Андреем Богословским с дьяконом Михаилом Молчановым. Восприемники: Владивостокского порта губернский секретарь Владимир Григорьевич Горбунов и жена частного землемера Павла Даниловича Попова, Елизавета Александровна. (Запись № 116м.) Борис умер от воспаления лёгких 3 февраля 1909 г. и похоронен 5 февраля на Покровском кладбище (Запись № 31м.)

14/1 Глеб Николаевич, р. 12 августа 1908 г., близнец с Борисом, крещён 31 августа в Александро-Невской церкви Сибирского Флотского Экипажа священником Андреем Богословским с дьяконом Михаилом Молчановым. Восприемники: частный землемер Павел Данилович Попов (родной дядя Глеба) и

жена прапорщика запаса армейской пехоты Василия Константиновича Мошанова, Елизавета Васильевна. (Запись № 117м.) Эмигрировал с отцом в Японию. После неудачного падения заболел костным туберкулёзом, был горбатым и умер около 1926 г. в Кобэ. МАТВЕЕВ, Глеб (Глебушка). + 28 окт. 1924. 15 лет.

15/1 Анатолий Николаевич, р. 19 ноября 1909 г., крещён 6 декабря в Александро-Невской церкви Сибирского Флотского Экипажа священником Андреем Богословским с дьяконом Михаилом Молчановым. Восприемники: служащий во Владивостокском порту губернский секретарь Владимир Григорьевич Горбунов и дочь личного почётного гражданина, девица Зоя Николаевна Матвеева. (Запись № 165м.) Эмигрировал с отцом в Японию, последние годы жил в Каракасе, Венесуэла, где занимался книжной торговлей.

Жена Алла N. N. Дети есть, но сведений о них нет.

16/1 Алексей Николаевич, р. 12 февраля 1912 г. во Владивостоке, крещён 16 февраля в Успенском соборе иеромонахом Феодосием. Восприемники: отставной чиновник Иннокенти-

Инноцентьевич Антропов и жена чиновника Владимира Григорьевича Горбунова, Александра Ивановна. (Запись № 28м. Алексей умер 3 мая того же 1912 года от желудочно-кишечного катара и похоронен 5 мая на Покровском кладбище. (Запись № 152м.)

IV

17/3 Нина Зотиковна, р. 12 января 1916 г. во Владивостоке, крещена 7 февраля в Скорбященской церкви убиенных воинов священником Дмитрием Туровским с дьяконом Иоанном Алексеевым. Восприемники: мещанин г. Кологрива Костромской губернии Дмитрий Александрович Наумов и жена студента Восточного института Анна Евгеньевна Соколова. (Запись № 20ж.) Нина умерла 9 марта того же 1916 года от воспаления мозга и похоронена 11 марта на Покровском кладбище. (Запись № 147ж.)

18/3 Татьяна Зотиковна, р. 10 декабря 1918 г. во Владивостоке, умерла 27 мая 1994 г. Библиограф. Училась на восточном факультете ДВГУ, окончила Московский библиотечный институт. Член Общества изучения Амурского края. Проживала во Владивостоке по адресу: ул. Ста-

нюковича 56 кв. 12.

Муж 1-й Виталий Петрович Компанеец, кубанский казак.

Муж 2-й Василий Александрович Касьяник, р. 6 апреля 1915 г. в д. Извилинка Спасского района. Учитель английского языка в Спасске-Дальнем.

19/3 Михаил Зотикович, р. 17 декабря 1926 г. во Владивостоке, До войны проживал в Оренбурге, откуда призван Оренбургским ГВК 25 января 1943 г., служил рядовым в 173-м стройбате 45-й запасной строительной бригады, затем будучи рядовым в 106-й стрелковой бригаде при форсировании р. Березины 22 декабря 1943 г. получил сквозное осколочное ранение левого бедра с повреждением кости, умер в госпитале ГОПЭП-136 от сепсиса 3 января 1944 г. и похоронен в г. Речица Гомельской области. (Материалы Татьяны Зотиковны).

20/4 Виктор Николаевич, р. в марте 1916 г. в Москве. (От 1-й жены). Журналист, социолог, жил на ст. Правда в Подмоскovie. Жена Евдокия Ивановна Н.

21/4 Алла Николаевна, р. в 1919 г. в Москве, (от 1-й жены), умерла примерно в 1985 г. Врач-гомеопат. Муж Лев Н. Балаклейский. Инженер.

22/4 Роза-Лиана Николаевна, р. в 1924 г. (От 2-й жены Воспитатель детского сада. Муж Юрий Солоха. Переменил свою фамилию на Матвеев. У них один сын.

23/4 Новелла Николаевна, р. 7 октября 1934 г. в Детском Селе Ленинградской области (От 2-й жены). Поэтесса, прозаик, драматург, литературовед. Муж с 1963 г. Иван Семёнович Киуру, р. 1 февраля 1934 г., ум. 17 февраля 1992 г. в Москве Поэт и переводчик. Бездетны.

24/4 Роальд Николаевич, р. 1937 г. (От 2-й жены) Работал на каком то заводе. Других сведений нет.

25/4 Светлана Николаевна, р. в 1941 г. (От 2-й жены) Работала секретарём-машинисткой. Других сведений нет.

26/5 Лев Петрович Колесников, р. 18 февраля 1923 г. во Владивостоке, ум. 21 февраля 1986 г. в Волгограде от инфаркта. Лётчик-истребитель, участник Великой Отечественной войны. Писатель. Жена Н. Н. Н., учительница. У них сын и дочь.

27/7 Зангвильд-Иван Венедиктович, р. 1 декабря 1918 г. во Владивостоке, (от 1-й жены), ум. 8 февраля 1987 г. в Питтсбурге. С 1950 г. жил в США. Известен

как поэт Иван Елагин. Жена 1-я с 1937 г. в Киеве, развод в 1950 г., Ольга Анстей, ум. 30 мая 1985 г. Жена 2-я с 19 апреля 1958 г. Ирина Ивановна Даннгейзер.

28/9 Борис Георгиевич, р. ок. 1940 г. Живёт в Москве, работает на разных работах, холост.

29/9 Вера Георгиевна, р. ок. 1941 г. Инженер коммунального хозяйства. Муж Н. Н. Сеняткин Живут в Ново-Подрезково Химкинского района Московской области. Ул. Ново-Заводская, дом 8 кв. 71. У них два сына.

30/10 Юрий Петрович Евтушенко, р. в 1927 г. во Владивостоке. Преподавал электротехнику в ПТУ в г. Старый Оскол Белгородской области. Жена Екатерина Алексеевна Н. У них два сына и дочь Татьяна.

31/10 Валерий Петрович Евтушенко, р. в 1929 г. во Владивостоке. Журналист в г. Ижевске. Жена Алевтина Н. Н., медсестра. У них трое детей: Владимир, Марина и Елена.

32/10 Анатолий Петрович Евтушенко, р. в 1929 г. во Владивостоке, ум. ок. 1932 г. Близнец с Валерием, № 31/10.

33/11 Елена Н. Кривушина. Муж зубной врач, живут в США, дети есть.

34/12 Борис Михайлович, р. 26 декабря 1929 г. в Японии. Инженер. Жена 1-я Екатерина Н. Н., ум. в 1970 г. в Свердловске. Жена 2-я Марта Ивановна Чулкова. Живут в Ялте.

35/12 Павел Михайлович, р. 13 июня 1936 г. в Японии. Инженер. Жена Инна Николаевна Н., врач. Живут в Алма-Ате.

36/12 Татьяна Михайловна, р. в 1950-х гг. в г. Кизил на Урале. Муж военный.

V

37/18 Виталий Витальевич Компанеец, утонул в 1976 г. в г. Новокузнецке. (Запись со слов Татьяны Зотиковны 24 ноября 1989 г. у неё дома.)

38/20 Наталья Викторовна, р. 1961 г. Окончила медицинское училище. Замужем с 1988 г.

39/21 Владимир Львович Балаклейский. Живёт в Москве.

40/21 Лариса Львовна Балаклейская. Врач в Москве.

41/27 Инна Ивановна, р. в 1943 г., ум. в 1944 г. (От 1-й жены)

42/27 Елена Ивановна, р. в 1945 г. (От 1-й жены).

43/27 Сергей Иванович, р. в 1967 г. (От 2-й жены)

44/34 Алексей Борисович, р. в 1955 г.

45/34 Ирина Борисовна, р. в

Список источников и литературы

- 1.Абрикосов Д.И. Судьба русского дипломата / Пер. с англ. Н.Ю. Абрикосовой, Е.Ю. Дорман; Предисл., науч. ред. и коммент. М.Ю. Сорокиной. Вступ. ст. Д. Макдональда. М.: Рус. путь, 2008.
- Амурский Н. Ниппонец, сотрудник Льва Толстого // Рубеж. 1937. № 35 (28 авг.).
- 2.Амурский Н. Большевики и Япония: от нашего дальневосточного корреспондента // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1928. 8 марта.
- 3.Амурский Н. Где машины не заменят рук... Кустарная промышленность в Ниппоне // Рубеж. 1938. № 33 (13 авг.).
- 4.Амурский Н. Героизм и скромность.... Паломничество к дому генерала Ноги // Рубеж. 1938. № 23. (4 июня).
- 5.Амурский Н. Друг русских эмигрантов в Ниппоне // Рубеж. 1938. № 35 (27 авг.).
- 6.Амурский Н. Ислам в стране Восходящего солнца. Успехи магометанства. Роль русских татар. Новые мечети и школы // Рубеж. 1938. № 4 (22 янв.).
- 7.Амурский Н. Молодежь объединяется... Кружок русской молодежи в Кобе // Рубеж. 1930. № 45 (1 нояб.).
- 8.Амурский Н. Ниппон – рай для детей // Рубеж. 1938. № 14 (2 апр.).
- 9.Амурский Н. Памяти большого русского человека // Рубеж. 1937. № 30 (24 июля).
- 10.Амурский Н. Первая поездка в Японию // Дальневост. звезда. 1910. № 47.
- 11.Амурский Н. Питомник – вместо тайги. Разведение лисиц в Ниппоне // Рубеж. 1938 № 9 (26 февр.).
- 12.Амурский Н. Реклама в Японии // Владивосток. 1903. 2 февр.
- 13.Амурский Н. Русские в Ниппоне // Рубеж. 1938. № 8 (19 февр.).
- 14.Амурский Н. Стихийное бедствие в Ниппоне. Наводнение в Кобе и его окрестностях // Рубеж. 1938. № 30 (23 июля).
- 15.Амурский Николай. У Николаевских беженцев // Дело России.. Токио, 1920. 16, 24 июля.; Нашествие на Николаевск-на-Амуре // Дело России. 1920. 7, 23, 30 авг.;
- Крушение рыбопромышленности Николаевского района // Рус. Дальний Восток. Токио, 1920. № 1.
- 16.А-ский Н. Дружно на помощь бедноте! Деятельность Русского женского благотворительного общества в Кобе // Рубеж. 1937. № 24 (12 июня).
- 17.Госткевич. Г. Письма Брониславу Пилсудскому. Б-ка Польской Академии наук в Кракове Подлинник Рукоп. № 4646, т. 1, л. 49-55. Пер. с польс. И.Ю.Сирак. Подг. и публ., комментарии В.М. Латышева//<http://www.icrap.org/ru/gostkevich.html>
- 18.Два редких гостя // Хоккай таймусу. 1906. 10 янв.

- кай таймусу. 1906. 10 янв.
- 19.Динов, А. Поэт, писатель, журналист (Николай Петрович Матвеев) // Красное знамя. 1990. 15 июля.
- 20.Дневники Святого Николая Японского / ред.: Накамура, Кенносукэ; Накамура, Ёсикадзу; Ясуи, Рёхэй; Наганава, Мицуо. Саппоро : Изд-во Хоккайдского ун-та, 1994.
- 21.Евтушенко В. П. Дерево плодоносящее: биография уникальной литературной династии Матвеевы. Владивосток: Делин, 2004.
- 22.Инф. // Воля. Нагасаки, 1906. 13 сент. (N62).
- 23.Киселев А. Элементарная геометрия: С прил. большого количества упражнений и статей: Главнейшие методы решения геометр. задач на построение. Кобе: Спутник, 1920. Переизд с 1901.
- 24.Краткий русско-японский словарь / Сост. Н.П. Матвеев. Осака: Мир, 1920.Переизд. 1923 и др.
- 25.Матвеев Н.П. Краткий исторический очерк г. Владивостока. 1860-1910 гг. - Владивосток, 1910. Переизд.: Матвеев Краткий исторический очерк г. Владивостока / Предисл. Б. Дьяченко; Добр. О-во любителей кн. РСФСР, Примор. краев. орг. Владивосток: Уссури, 1990.
- Матвеев Н.П. Старые поэты Японии // На Востоке: неперiod. сб., посвящ. вопросам культуры народов Востока / сост. кружком рус. эмигрантов в Японии ; под ред. М.П. Григорьева. Вып. 1 (июнь). Токио : Изд-во кн. магазина «Тайсиудо» (Taishudo-Shoten. 17, Sarumachi, Shirokane, Shibaku, Tokyo) : тип. «Обундо», 1935.
- 26.Морозов Ф.Д. На память потомству = Morozoff F.D. A legacy to my heirs. Рус., англ. 27.Н.А. (Кобе) В Хороводе святочных развлечений. В эмиграции мы не забыли «родных обычаев старины» // Рубеж. 1938. № 6 (5 февр.).
- 28.Н.А-ский. Русские в Японии // Прожектор. 1934. Т. 3, № 40 (29 сент.).
- 29.На помощь ближним...: На балу дамского Благотворительного кружка в Кобе // Рубеж. 1934. №. 27 (30 июня).
- 30.Никольский А.А. (Кобе, 1941, сент.). Трогательный жест ниппонцев в адрес русской эмиграции // Рубеж. Харбин, 1941. № 39 (27 сент.).
- 31.Нурок Г.М. Ключ к русским упражнениям грамматики английского языка: Сост. по последнему изд. Кобе, Япония: Спутник, 1920.
- 32.Попов А.Д. Краткий путеводитель по Японии. - Владивосток, 1914.
- 33.Савада Кадзухико (Университет Сайтама). Бронислав Пилсудский в Японии // Japanese Slavic and East European Studies. 1994. Vol. 15.
- 34.Сасаки, С. Практическое руководство к японской разговорной речи. Осака: Изд. А. Мацумото, 1917.
- 35.Скиталец С.Г. О знаменитых русских людях. Нагоя: Робункаку, 1928.
- 36.Справочная книга горо-

да Владивостока с дополнительными сведениями о Дальнем Востоке / Сост. Н.П. Матвеев. Хабаровск: Тип. канцелярии Приамур. ген.-губернатора, 1902.

37.Хисамутдинов А. Где вы, Ватанабе-сан? // Красное знамя. Владивосток, 1992. 5 дек.: фот.

38.Хисамутдинов А.А. Мир библиотеки / Приморская краевая научная библиотека им. Горького. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1990.

39.Хисамутдинов А.А. Николай Петрович Матвеев и его сын Зотик // Зотик Николаевич Матвеев (К 100-летию со дня рождения) : Материалы юбилейных чтений 2 ноября 1989 г. Владивосток, 1990.

40.Хисамутдинов А.А. Писатель, журналист и издатель Николай Матвеев в России и Японии // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 3.

41.Хияма С., Моргун З.Ф. Жизнь Н. Матвеева в эмиграции в Японии // Изв. Вост. ин-та: Спец. вып. 1997.

42.Oba Kageaki [Kako] Kako zenshu. - Tokio: Kako Zenshu Kankokai, 1925. Яп.

43.Stephan J. J. The Russian Far East: A History. Stanford: Stanford Univer. Press, 1994. Англ.

44.Собрание поэм Н. Амурского / Пер. и издал Оота; Издано в 43 г. правления Мейдзи. Токио, 1908. Яп.

Источники.

1.Б-ка Общества изучения Амурского края (Владивосток).

2.Музей русской культуры в

Сан-Франциско. Коллекция Д.П. Пантелеева. Письмо от 7 янв. 1940.

3.Приморская краевая научная библиотека им. Горького. Владивосток. Собр. Т.З. Матвеевой.

4.РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1767 (Об издании газ. «Далекий край»).

Монография – электронное издание
Режим доступа: <https://evols.library.manoa.hawaii.edu/>

Хисамутдинов Амир Алексеевич

ЯПОНЕЦ РУССКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ: НИКОЛАЙ МАТВЕЕВ

Ответственный корректор Р. В. Мостовой
Компьютерная верстка Р. В. Мостовой
Технический редактор Р. В. Мостовой

Подписано в печать 2.06.2017

Формат издания 60х84/16.

Усл. печ. л. 6,51

Гарнитура «Times New Roman».

Издательство Дальневосточного Университета
690091, г. Владивосток, ул. Фонтанная, 47 Тел.

8 (423) 254-48-14.

E-mail: tvpress@mail.ru

АВТОР НА МОГИЛЕ Н. П. МАТВЕЕВА В КОБЕ, 2013.